Н. Н. АЛЕКСЕЕВ

X

На путях к будущей России

(СОВЕТСКИЙ СТРОЙ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ)

ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ПАРИЖ

JC
268

175
29 +

1. СОВРЕМЕННАЯ ПОСТАНОВКА РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОПРОСА

Всякая революция является результатом некоторой глубокой внутренней болезни, которая таится в испытавшем революционный процесс общественном организме. Болезнь эта может быть и не физической, но чисто духовной. Физически государство, в котором зреет революционный процесс, может процветать, расти и развиваться; но для питания революции необходим внутренний, духовный разлад в социальном целом, нарушение в нем жизненной гармонии, которое может иметь весьма различные способы выражения. Революционный процесс питается, растет, зреет, когда общественные несовершенства вызывают болезненно повышенную реакцию, направленную к их исправлению; когда присущее всякому обществу, стремление к улучшению выростает в несоответствующий реальным общественным условиям бурный порыв у одних и вызывает мучительные судороги у других; когда более или менее, нормальные трения между социальными классами и группами превращаются в непримиримое недоразумение, решить которое отказывается человеческий разум; когда страсти затемняют рассудок и превращают общественную жизнь в арену для постоянной драмы.

Подготовленный революцией взрыв, протекает обычно под знаком целительной операции, которая производится для того, чтобы покончить с социальной болезнью. Однако, трагизм революции заключается в том, что после болезненного вскрытия нарыва начинается процесс более или менее длительного гниения. Разрушается хозяйство, распатываются все жизненные устои, портится государственный аппарат, понижается социальная техника, падает общественная мораль и разнуздываются дикие страсти. Общественное целое, которое хотело залечить свои старые раны путем революции, приобретает новые, вызванные революцией раны. И у наблюдателей такого общественного целого, невольно получается двойственный взгляд: они видят, что старых несовершенств нет и начинают говорить о «приобретениях революции»; но тотчас же они замечают, что новое зло, пожалуй, болезненнее, чем старое, — и ими овладевает чувство бесплодности, формулируемое в известной фразе: «а зачем же делали революцию!».

В состоянии подобного болезненного процесса находится и современная Россия. Она освободилась от многих своих старых ран, но сколько приобрела новых!.. Положение усугубляется тем, что те люди,

которых судьба поставила во главе русской революции, исповедывают идеи, по существу своему, способствующие обострению революционной болезни. Марксизм, ставший идейным руководителем русской революции, есть теория, которая возвела в принцип социальной жизни классовую борьбу и классовое угнетение, т. е., отношения по существу своему болезненные и больные. Марксизм, кроме того, стремится вытравить из душ людей все те высшие ценности, на которых строилась общественная жизнь, — идею религии, нравственности, социального мира и т. п., — заменив их идеями классового интереса и материального благополучия. По внутреннему составу своих идей марксизм глубоко антисоциален, хотя он и учит о блаженстве будущего общества, построенного на отсутствии классов и на обобществлении средств производства. В результате широкой проповеди марксизма, в без того уже больной общественный организм, был привит ряд таких общественных настроений и чувств, которые еще более воспаляли революционный процесс и открывали в теле России глубокие язвы. Развал семьи, безпризорные, падение нравов, доходящее до дикости, хулиганство, чувства ненависти и зависти — все это прямые плоды не столько революции самой по себе, сколько марксизма, как идейного вдохновителя революции.

Где есть болезнь, там имеются и лекари. Русских лекарей можно разделить на две группы — советскую и эмигрантскую. Советская, пока что, безплодно топчется на одном месте. Она хочет вылечить больного тем гноем, который выделяет больной организм. Ни один из ее представителей не додумался обработать заразу, хотя бы, в целях получения целительной сыворотки, — нет, в организм просто впускают ту или иную долю яда, от которого он заболел, и этим думают его вылечить. Что касается до лекарей эмигрантских, то их средства, конечно, гораздо серьезнее, — и на более подробной характеристике их не мешает остановиться.

Если поставить в центр внимания политическую сторону дела — а она-то нас здесь и интересует — то заграничных лекарей можно разделить на три группы. Первая из них — это сторонники заграничных, модных на Западе, средств. Россию думают они исцелить, привив к ней новейший европейский строй в демократическом стиле. Хотят, иными словами, вылечить Россию, превратив ее в демократическую республику с социалистическим уклоном, как это ныне встречается во многих государствах Европы, с президентом или даже без него, с одной или двумя палатами народных представителей, с всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием по пропорциональной системе, с ответственным кабинетом министров, с борьбой политических партий и т. п. Правда, некоторые, более осторожные сторонники этих рецептов отлично сознают, что они не вполне применимы в России. В качестве уступки особенностям русского народа и русского государства, они готовы бывают пожертвовать, напр., пропорциональной системой выборов, готовы даже отступиться от прямого

голосования, готовы смягчить несколько парламентарную систему. С другой стороны, им отлично знакомы недостатки, которыми обладает западное государство демократического стиля. Они знают, что парламентарный режим находится в состоянии глубокого кризиса, который вынуждает европейские государства или стремиться к его законодательному исправлению (Польша) или просто не соблюдать (чиновничьи министерства в парламентарной Чехословакии). Они знают, что пропорциональная система фактически уничтожает не только прямые выборы, но и процесс народного голосования вообще, заменяя этот последний назначениями партийных вожаков партийными комитетами. Они знают, что режим политических партий, есть гнуснейшее из политических образований, которое создает бесконечное количество грязи, отравляющей жизнь даже политически здоровых народов. И тем не менее они думают исцелить всем этим Россию, полагая, что других средств нет, и веря, что предлагаемые ими средства только и могут быть рекомендованы людьми порядочными и честными, истинными друзьями народа. Вера их в названные средства есть вера не столько в их пригодность, сколько в святость и непогрешимость. Лекари, о которых мы здесь говорим, суть люди, живущие предубеждениями и даже трогательные привязанностью к предубеждениям. Они считают, что их средства соответствуют истинным началам гуманизма и всем требованиям человеческого прогресса и цивилизации. Поэтому, они готовы всех инакомыслящих об'явить врагами народа, считать их людьми бесчестными, изменниками человечеству, недоброжелателями культуры, носителями мракобесия. Спор с такими людьми почти невозможен, ибо вместо беспристрастного обсуждения пригодности тех или иных средств, они начинают с подозрений и кончают обвинениями. Они действуют даже не как доморощенный знахарь, они более всего похожи на бабу-заговорщицу, которая отплевывается, когда говорят о непригодности ее заговоров, и считает противную сторону впавшей в искушение и грех.

Другая группа, диаметрально противоположная первой, предлагает лечить Россию средствами чисто домашними, старинными, как она думает, испытанными и национальными. Россию, думают ее представители, спасти может только монархия, — и это вытекает из глубоких национальных особенностей русского народа, как преимущественно монархического. Крушение монархии и является как раз причиной современной русской болезни, следовательно, восстановление монархии будет лучшим средством для исцеления. Спрашивается только, какая же монархия может спасти русский народ, — и здесь дороги политиков названной группы начинают расходиться. Одни полагают, что целительным средством является абсолютная монархия, как она существовала у нас до 1906 года, другие же требуют восстановления монархии конституционной, — и, именно, в ее дуалистической форме, как она была установлена после первой революции, т. е. с народным представительством, которому противостоит самостоятельная правитель-

ственная власть. Что касается до сторонников абсолютной монархии, то многочисленность их об'ясняется, прежде всего, идейной слабостью русских приверженцев монархии конституционной: за первыми стоит, по крайней мере, последовательность, отсутствующая у вторых. Сторонники абсолютной монархии понимают, что, если уже монархию можно защищать *принципиально,* то, конечно, только в форме абсолютной, как последовательное проведение единодержавия, как утверждение абсолютной ценности единоличного начала в жизни государства. С этой точки зрения любая конституционная монархия есть уже компромисс, есть уступка монархического начала республиканскому и демократическому. Конституционная монархия является *монархией по названию,* на самом же деле, является смешанной политической формой, которую менее всего призван защищать *принципиальный монархист.* За сторонниками абсолютной монархии стоит, таким образом, логическая последовательность, которая, впрочем, из преимущества превращается в недостаток, как только к ней подойти с точки зрения исторической и народной. Можно сказать, прежде всего, что абсолютная монархия никогда не была исторической реальностью, ибо не было и не может быть действительного государства, в котором высшая власть не формально, но фактически принадлежала одному, единственному лицу. Исторически нам известные формы абсолютной монархии обычно были в то же время *аристократиями* или *олигархиями.* Монарх разделял свою власть или с родовой знатью, или же с особым сословием служилых людей, с дворянством. Социальная связь абсолютной монархии с крупным землевладением — неоспорима и, как раз, землевладельцы эти и составляли реальную базу всякого самодержавия, представляя собою воплощение олигархического и аристократического начала в монархическом государстве. Далее, по своим идейным основаниям абсолютная монархия есть учреждение религиозное, в котором власть монарха не только утверждает свое происхождение от Бога, но и обнаруживает свою внутреннюю и внешнюю божественную природу. Истинно абсолютной может быть только власть существа безусловно высшего, след., Бога, или его земного воплощения, неограниченного монарха. Названные представления и по существу своему и по своей исторической природе соответствуют более всего древним, языческим религиям, — и потому идейно абсолютная монархия есть продукт скорее древнеязыческого, чем христианского мира. Является совершенно бесплодной попыткой обосновать абсолютную монархию при помощи христианского вероучения, в котором такого вероучения нет, — ни в Ветхом Завете, ни в Евангелии, ни в апостольских посланиях. Доказать можно только то, что в известную историческую эпоху христианство уживалось с абсолютной монархией, вошедшей в христианскую культуру в результате влияния языческого мира. Все эти соображения не могут убедить, что с точки зрения реальной обстановки, в которой живет современная Россия, всего менее можно считать возможным учреждение в ней абсолютной монархии. Независимо от того, хороша ли она, или дурна, как

отвлеченная политическая форма, условия современной действительности решительно не способствуют реальным возможностям ее воплощения в жизненный институт. Нет классов, на которые монархия могла бы опираться, нет религиозных верований, которые бы ее обосновывали. И, в особенности, сомнительно восстановление монархии в стране, в которой эта политическая форма пережила сравнительно длинный процесс своего исживания. Если говорить о «народности» русской неограниченной монархии, о соответствии ее учреждений всему быту Росси, то такой монархия наша была разве только в допетровский период. Петр Великий, придавший русскому абсолютизму европейский вид, нанес первый идейный удар русскому монархическому принципу. Русская монархия приобрела европейскую технику, но в то же время стала далекой народной душе, как ей было далеко все, чем жили так называемые «образованные» классы. Монархия стала «барской», «помещичьей», а не «народной», не «крестьянской». И надо признать, что в течение всего императорского периода идейного сближения между монархией и народом не произошло. Попытки «демократизировать» абсолютную монархию после 1905 года остались «интеллигентскими» и ничего не сделали в смысле смягчения пропасти между петербургской монархией и русским народом. Только таким путем и об'ясняется, почему русский народ с такой простотой покончил с монархией в 1917 году, уничтожив все ее социальные и идейные предпосылки. Нужно прибавить еще, что, начиная со второй четверти прошлого века, русская абсолютная монархия начинает и внутренно вступать в период постепенного упадка. Чем ближе к концу XIX века, тем яснее становится, что «русский наш орел двуглавый» может шуметь только «минувшей славой». Мечты о «грядущей» славе разбиваются о внешние неудачи и промахи внутренней политики и растущее в государстве революционное брожение. Русская абсолютная монархия внутренним процессом изжила себя в 1905 году — и сама превратила себя в конституционную... Как же после этого можно стремиться к восстановлению этой политической формы? И как можно думать, что русская современная болезнь пройдет от того, что политический организм России снова переведут в тот инкубационный период, с которого сама болезнь эта и началась?..

Наконец, третья школа лекарей полагает, что излечение России возможно путем возвращения к тому политическому состоянию, которое установилось со времени первой революции (1905 г.) и завершилось февральским переворотом 1917 года. Политический строй России в названную эпоху характеризуется, как дуалистическая монархия, — политическая форма, известная Западу и не без основания, называемая «переходной». Если бы современному государствоведу серьезно предложить написать тезу в защиту дуалистической монархии, едва-ли бы он не почувствовал некоторой неуместности самой постановки данного вопроса. Уж очень ясны несовершенства и нескрываемые неудобства названной политической формы. Создавая в государстве

начало двоевластия, исторически вынужденного, но теоретически не могущего быть обоснованным, такой государственный строй вводит в закон борьбу между началом монархическим и началом народным, между властью правительственной и властью законодательной. Перипетии этой борьбы известны и из примеров западных государств и из недавнего прошлого России. По поводу них был произнесен миллион золотых слов теми кающимися либералами, которые теперь готовы усматривать в дуалистической монархии панацею от всех русских болезней. Современное замалчивание всех зол дуалистического строя, практикуемое старшим поколением названной школы лекарей, прямо кажется недобросовестным. Они, в свое время, на личном опыте испытали, какая это болезнь, а теперь хотят об'явить дуалистическую монархию чуть-ли не идеалом. Та же молодежь, которая следует за старшими, поступает так по незнанию. Она не помнит зла и не ощущает его природы. Она руководствуется смутным чувством, что прежде было лучше, — а, следовательно, да здравствует прошлое. Впрочем, может быть, у старших и опытных защитников дуалистического строя, есть даже некоторая доля лукавства. Отлично сознавая переходный характер дуалистической монархии, они берут ее под свою защиту, так сказать, временно, под известным условием, приспособляясь к обстоятельствам. Ведь, нужно же для будущего России иметь какую-нибудь политическую отправную точку. Пускай это будет дуалистическая монархия, которая со временем перейдет в парламентарную, а потом, может быть, и станет республикой. Таким образом, эти умеренные монархисты невольно подают руку лекарям западного республиканского толка. Разница между ними, в существе, — чисто тактическая, а не принципиальная. Эти умеренные монархисты просто думают, что Россия еще не дозрела до республики, пускай в ней на время установится окарнованная монархия, а там — посмотрим, что будет. Такое умонастроение — глубоко утопично, ибо в высшей степени мало вероятно, чтобы такая огромная революция, как русская, кончилась простым возвращением к пункту, от которого она началась. Возвращение это тем менее вероятно, что социально Россия за время владычества коммунистов стала совершенно иной и новой. Нет тех классов, на которых строилась Империя, нет тех служилых людей, которыми она приводилась в движение. И даже, пожалуй, такое возвращение, будь оно возможно, было бы чрезвычайно легкомысленным. Ввести дуалистическую монархию — не значит-ли это провоцировать возможность дальнейших государственных потрясений? Не значит-ли это повторить историю Франции, с новыми революциями, с почти столетним состязанием монархии и республики? И в другом отношении бессмысленно и вредно призывать к подобному возвращению. Как бы мы ни оценивали Российскую революцию, одно несомненно: в ней проявилось громадное напряжение русского народа к исканию политической и социальной правды. Русский народ не виноват, что учителя у него оказались плохими, и что искание правды получило направление болез-

ненное и нелепое. Русский народ есть народ с великой душой и он не откажется от искания правды тогда, когда поймет ничтожность его теперешних учителей и той правды, которой они учили. И вот, предлагать этому народу ту политическую форму, которая лишена души и которую искренне нельзя даже защищать — не значит-ли это подать ему вместо хлеба камень? Русский народ никогда не считал дуалистической монархии своим народным делом, никогда не ценил ее, да и в будущем ценить не сможет. А, стало быть, опять государство у нас будет жить «по себе» и народ тоже «по себе». Опять начнется старая история, как в сказке: «на дворе мочала, начинай сначала»... К истине этой сводится вся политическая мудрость знаменательнаго политическаго направления, торжественно провозгласившего рецепт: «возвращение к основным законам 1906 года.....»

Русской национальной, не регрессивной и не реставраторской политике нужно настойчиво усвоить мысль, что ни одно из названных лекарств нисколько не пригодно для исцеления Росси. Следует понять прежде всего, что нужно разуметь под таким исцелением? Россия не выздоровеет от того, что, вследствие счастливого случая, той или иной партии удастся стать на место нынешних правителей и провозгласить монархию или республику. Такое провозглашение может иметь успех, главным образом, вследствие инертности русского народа и усталости его от бесчисленных бедствий, — однако, всякий успех будет временным и случайным до тех пор, пока народ не проникнется сознанием правды данного политического строя и не будет считать его своим, народным. Россия истинно вылечится только тогда, когда на смену привитой ему дурной и разлагающей марксистской идеологии из самих недр народных возникнет идеология новая, живая и спасительная; когда те, которые сейчас играют в комсомол, отряхнут с ног своих последний коммунистический прах и заживут верою в новую правду, одним словом, когда русский организм найдет в себе живые силы для исцеления.

Существо русского политического вопроса и определяется тем, насколько в современной России народились уже те живые силы, развивая которые можно избавиться от всех современных зол? Очень многие думают, что сил таких нет и бессмысленно их искать. Однако, есть люди, которые глубоко убеждены, что силы эти уже имеются, хотя еще и в состоянии скрытом. Русский государственный организм наружно покрыт еще ранами, но болезнь он уже преодолел и состояние его — не смертельно. Сознание это не ведет к квиэтизму, напротив, впервые создает и для эмиграции возможность действительной политической работы. Мы должны всеми нашими силами способствовать выявлению наружу этих живых соков современной России. А так как одна из главных причин русской болезни имеет характер чисто идеологический, характер больного увлечения ложной марксистской правдой, — то на нас и лежит обязанность способствовать созданию новой «русской правды», новой идеологии русского государства, новой националь-

ной идеи. Идеология всегда создавалась образованным классом, а значительная часть его живет за границей, и многие из здесь живущих, находятся едва-ли не в лучших условиях для умственной работы, чем оставшиеся в России. Эмиграция до тех пор будет духовно бесплодной, пока она не нащупает в душе своей созвучия с живыми силами современной России. А вместо того, чтобы нащупать слабо еще звучащую, живую волну, занимаются отвлеченными построениями или, что еще хуже, твердят, что Россия худо больна. Попробуйте-ка человеку каждый день говорить: ты разлагаешься, гниешь, смердишь. Да он, в конце концов, истребит говорящего, хотя бы погиб и сам.

Надлежит за точку отправления взять не западную демократию, и не самодержавие, и не прошлые тени дуалистической монархии; за точку отправления нужно взять современный русский государственный организм, тщательно его изучить, посмотреть, что в нем, действительно, никуда не годно и в чем чувствуется дыхание жизни. Для правильной установки, при которой может удастся подобное изучение, нужно принять во внимание еще три очень важных соображения. *Во-первых*, следует решительно уяснить коренную разницу предлагаемаго здесь подхода к решению русского политического вопроса от того, что до сей поры носит еще имя «сменовеховства». «Сменовеховство» по духу своему есть оппортунизм, в редких случаях добросовестный, обычно же, просто лукавый. Люди хотят *практически* устроиться, а потому и начинают утверждать, что черное есть белое, — хотя им в том никто и не верит, даже сами себе они не верят. Сменовеховство — это подлаживание к власть имущим, оправданное разными талантливыми и бесталанными идейными ухищрениями. То, что мы предлагаем, по духу своему, совершенно от сменовеховства отлично. Больному мы вовсе не хотим сказать, что он просто здоров, и сами не хотим обрести благополучие, заразившись его болезнью. Нет, мы прямо говорим: Россия еще больна и чистое преступление, закрывать ее раны разным тряпьем и об'являть процветающей в своем здоровье. Но Россия не умерла, она полна новой жизни. Мы идем к этой новой жизни, и уверены, что сойдемся с русскими людьми в России, когда и они выздоровеют или, в большинстве, сбросят защитный покров болезни. Это не сменовеховство, ибо никаких наших вех мы не меняем. Если уже говорить о «смене вех», то вехи-то приходится менять, главным образом, тем, которые живут «на другом берегу». Прежде всего, должны быть сменены «марксистские вехи», ибо это условие здоровья. А раз оне будут сменены, нам легко договориться.

Во-вторых, следует не менее решительно уяснить столь чуждую для сознания эмигрантских лекарей, истину об относительности политических форм. Следует понять правду политического релятивизма. Нет такого политического строя, который обеспечивал бы человеку абсолютное блаженство и который отвечал бы интересам абсолютной справедливости. Вера в абсолютную спасительную силу монархии или республики есть род весьма вредного суеверия. Каждый политический

строй есть относительная форма исторического бытия народа, в каждом есть свои достоинства и недостатки, каждый можно защищать десятками различных аргументов. Вопрос о выборе формы правления есть вопрос о минимальном зле, а не максимальном добре. Пусть это помнят теперешние воспеватели монархии не менее, чем нынешние поклонники демократической республики. Забывая же это и преподнося свои политические верования, в виде абсолютных истин, они все одинаково морочат народ и ведут его к дальнейшим разочарованиям.

В вопросе о политическом строе народ нужно приучить к здоровому реализму, а не к пустым бредням, не к бабушкиным сказкам. При этих соображениях меняется установка и по отношению к строю советскому. С точки зрения политической относительности, он, сам по себе, как известная форма, должен лишиться того одиума, который он у многих возбуждает. Как и во всяком политическом строе, в нем есть много несовершенств, но, возможно, что в нем, при внимательном и беспристрастном взгляде, откроются и некоторые положительные стороны. Советский строй ведь возник, как некоторый продукт полусознательного, чисто естественного, стихийного политического строительства, совершаемого в дни революционных бурь. Не политический план, а некоторый темный порыв — вот та сила, которая его породила. Было ли в этом стихийном порыве все отрицательно, все — от диавола, или же многое в нем порождалось темным строительным инстинктом, который, как бы во сне, возводил причудливые стены, — это вопрос, который нельзя решить априорно. Он-то и должен быть предметом тщательного изучения.

Наконец, *в-третьих,* нужно не слишком уж обольщаться верой в старые политические шаблоны. Громадным недостатком современного политического сознания, является его окостенелость, его приверженность в известным трафаретам. У современного политического сознания нет никакой фантазии, никакого полета. Оно способно только твердить старое и пережевывать то, что уже имеет столетний и даже тысячелетний опыт. В этом смысле — оно страшно консервативно, причем консерватизм этот одинаково свойственен, как левым, так и правым. Поклонники западного республиканского строя, не менее любят старые трафареты, чем наши монархисты. Современная эпоха лишена творческого таланта, каким, несомненно, обладала и эпоха создания новых абсолютных, сословных монархий (напр., Бодэн) и эпоха нарождающегося конституционализма (Локк, Монтескье) и эпоха демократии (Руссо). Дальше старых изобретений современная мысль идти не способна.

Если принять все это во внимание, то изучение советского государственного организма не только лишается одиума, но и приобретает для нас особый смысл. Мы начнем наше изучение не прямо с его политических учреждений, но с тех идейных предположений, которые лежат в основании советского государства.

2. О СТАРОЙ И НОВОЙ «РУССКОЙ ПРАВДЕ»

Если взять старую, религиозную, православную Россию, то в ней религиозно-нравственное оправдание получали и предметом религиозно-нравственного теоретического размышления являлись только самые общие начала политического и социального строя. Задачи государственного и общественного строительства, конечно, понимались и как религиозный долг и подвиг (Александр Невский, митрополиты Петр и Алексий, патриарх Гермоген), но они не ставились в центр внимания широких общественных слоев иначе, как в самой общей форме. Религиозно-нравственный идеал понимался преимущественно, как относящийся к сфере личной нравственности, как личный подвиг. На этой почве зарождалось у многих влечение к бегству от мира в пустыни и леса, в тишине которых творили бежавшие свое «умное делание», т. е., все поняли героическую работу, направленную к достижению истинно духовного и божественного мира. Разумеется, государственная и социальная работа совершалась, но она делалась практически и не осмыслялась теоретически в своих деталях, не включалась, по крайней мере, в осознаваемый религиозно-нравственный идеал. «Ты человек Божий»,. писал Нил Сорский, «мирским делам не приобщайся, не подобает их ни порицать словами, ни отрицать, н укорять, но нужно все это оставлять на волю Божию: силен Бог, Он их и исправит».

С тех пор, как *русские люди* соприкоснулись с западным просвещением и стали искать жизненной правды, шествуя по западным путям, они забыли об идеале личного совершенствования, исповедуемом лучшими людьми старой, православной России. Искание «правды» у русских людей, в особенности же у так называемой «прогрессивной» интеллигенции, приобрело совершенно противоположное направление и вылилось в особое, чисто общественное миросозерцание. Так как русский человек природой наделен душой глубоко-чувствующей и страстной, то искание общественной правды приобрело у него форму как бы особой чисто «общественной» религии, — религии «общественного идеала» и «общественного прогресса». Русская интеллигенция, начиная с ее ранних революционных представителей, какими, напр., были декабристы, уверовала всей душой своей в существование некоторой абсолютной «общественной правды», — уверовала в то, что существует некоторое безусловное, конечное решение общественного вопроса, которое составляет основной смысл человеческой жизни и разрешает все проблемы человеческого существования. Вопросы личного добра и зла отошли, таким образом, на второй план, центр внимания занял вопрос о добре и зле социальном. Причем зараженного этой «религией общественности» русского интеллигента в большинстве случаев мало интересовал вопрос политический, т. е., вопрос о тех или иных изменениях государственных форм. Главный интерес его был направлен на решение социального вопроса, на устранение общественной неправды, богатства и бедности, неравенства, социального гнета

и т. п. Если он интересовался политикой, то, по большей части, только в ее связи с социальным вопросом. Очень часто связи этой он и не находил — и тогда просто игнорировал вопросы государственного строительства. Отсутствием чисто политических идеалов, типичный русский интеллигент прошлого столетия, какими, напр., были многие русские народники, многие революционеры и анархисты, весьма походил на представителя древней русской, московской интеллигенции, исповедующей идеалы православного аскетизма и также не имеющей никакой определенной политической программы.

В развитии этих русских интеллигентских настроений, решительную роль сыграло то учение, которое стало определяющим фактором в понимании «русской правды», как оно сложилось, наконец, после революции 1917 года. Мы говорим об учении К. Маркса, привитом русским народным массам партией большевиков. Идеологически, марксизм является теорией окончательного человеческого блаженства на земле, теорией будущего «земного рая». Будущее человечества представляется ему, как состояние «полной свободы, где исчезнут все виды игнетения и несправедливости, уничтожатся разделения между людьми, не будет более ни национальной розни, ни классовой вражды, ни семейного деспотизма. Будет только единое, свободное и счастливое человечество, в котором свободное развитие каждого, явится условием свободного развития всех. *). Маркс и Энгельс считают, что такое состояние будет достигнуто посредством чудесного прыжка «из царства необходимости» в «царство свободы», — прыжка, который достигается преобразованием общественных условий человеческой жизни. Учители марксизма верили, как это неоднократно отмечали их критики, что социальное переустройство радикально изменит и духовное состояние людей. Для них человеческая душа является производной социальной жизни. Плохо социальное устройство — плоха и душа; изменится к лучшему общество — в таком же отношении изменится и внутренний человек; достигнет общество совершенства — и внутренняя жизнь человека станет совершенной. Исчезнет внутреннее зло, умрут антисоциальные инстинкты, прекратится преступность, насилие и вражда. Многие представители западного человечества думали так и до Маркса, но впервые марксизм превратил эти мысли в целую философскую систему, обоснованную и общими рассуждениями и богатым конкретным материалом. Воззрение на внутреннюю жизнь людей, как на производную общественных условий, последовательно вытекает из теории исторического или экономического материализма, согласно которой двигательной силой общественно-исторического процесса, являются материальные, экономические отношения, а психика людская является их функцией, т. е. «отражением» этих отношений, «идеологией», вырастающей на социально-экономической базе и меняющейся, в зависимости от изменений этой последней. Таким образом, можно съ полным

*) П. Новгороддев. Об общественном идеале. 1922, стр. 149.

правом смотреть на марксизм, как на кульминационный пункт в развитии того западного миросозерцания, которое мы назвали выше «общественным».

И в другом отношении марксизм также отвечает настроениям, овладевшим т. н. передовой русской интеллигенцией с начала XIX века. В марксизме нашло свое своеобразное завершение то резкое отрицание путей личной нравственности, которые характерны были для религиозных умонастроений старой Москвы. Опять-таки, названным настроениям марксизм придал форму своеобразного нравственного учения, которое сильно было не только своим теоретическим, но, главным образом, своим действенным практическим смыслом. Марксизм учил о, так называемой, классовой этике, — точка зрения, которую теоретически можно оспаривать, и которую не раз оспаривали и люди, близко стоящие к марксизму. Однако, пусть теоретически классовая этика оспорима, практически-то она оказалась огромным, деятельным стимулом для громадного большинства уверовавших в нее молодых и полных энергии интеллигентных сил. Уверовав, что пролетариат есть действительный класс-освободитель и что миссия его заключается в совершении известного прыжка из «царства необходимости в царство свободы», русский ищущий человек решил столь существенный для него всегда вопрос о добре и зле простым внешним актом перехода на точку зрения определенного класса. Нравственный вопрос замечательно упростился: он стал вопросом простой социальной принадлежности. Если ты принадлежишь к буржуазии, творишь зло; а если зачислил себя по пролетариату, стал добрым и с акта зачисления необходимо творишь добро. Материально твоя нравственная деятельность должна сводиться к работе, направленной на преобразование общества в интересах класса-освободителя. Такая нравственная цель, очевидно, оправдывает все средства, необходимые для ее осуществления. Из этих, формально правильных, но по существу, глубоко противонравственных выводов, вытекает вся революционная практика русских учеников Маркса, залившая русскую землю морем крови и ничем не пренебрегающих в борьбе за «пролетарские интересы». Всякий вопрос о личном добре раз навсегда отпал, все стало позволенным, все допустимым. Полная нравственная относительность полный нравственный нигилизм стал направлением господствующим. Буржуй убил или украл — достоин смерти, пролетарий убил или украл — оправдывается, так как принадлежит к прогрессивному классу. Такая этика по руке была многим преступникам, но, что самое страшное, в нее уверовали и многие глубоко-честные люди, оправдывающие себя тем, что они совершают великое, историей предопределенное дело освобождения. Невероятная масса энергии была вложена и теперь еще вкладывается в это истинно-злое дело, явившееся прямым результатом увлечения глубоко-ложной теорией. Если где видна опровергающая, марксизм «власть идей» в человеческой истории, то это на примере тех многочисленных студентов, солдат, матросов и крестьянских

детей, которые зачислили себя «по пролетариату» — и пошла писать губерния....

Наконец, завершение свое в марксизме нашел и преимущественный интерес русской интеллигенции к социальному вопросу. Практический центр марксистской теории, конечно, заключается в социальном преобразовании, которое одни понимают, как постепенную эволюцию, другие — как революционный переворот. В этом отношении марксистская программа вполне соответствовала исконным настроениям нашей передовой интеллигенции петербургского периода, но в то же время она отличалась от этих настроений своей практической трезвостью, чуждой всякому романтизму. Практически марксизм никогда не игнорировал политического вопроса, считая только его средством для решения вопроса социального. Практически марксизм смотрел на политический вопрос, не как на принцип, а как на тактику и дипломатию. Он рекомендовал поддерживать всякое политическое движение, которое способствует захвату пролетариатом или его вождями государственной власти. Таким образом, на месте старого романтического анархизма русской интеллигенции, стал весьма продуманный тактический план, который допускал разные понимания, но все же мог об'единить людей к единому политическому действию. Действие это приходилось также по вкусу русской передовой интеллигенции, ибо оно отнюдь не стремилось к *построению государства*, нет, оно звало к уничтожению всякого государственного порядка путем политического акта, возможного в результате захвата власти рабочими. Таким образом, в принципиальном отношении к государству, марксизм отнюдь не изменил старым нашим интеллигентским позициям, которые вытекали еще из традиций 70-х г.г. Напротив, в этом пункте все было обставлено так, чтобы привлечь одних и не оттолкнуть других. Марксизм здесь действовал, как весьма хороший психолог, не столько шествуя путями теоретической ясности и разумных выкладок, сколько привлекая некоторою неопределенностью и не без уменья напущенным туманом. До сих пор еще можно спорить, как марксизм относится к государству. С одной стороны, государство должно отпасть с исчезновением классов, с другой стороны, ведь то состояние свободы, которое установится в социалистическом обществе, не будет *царством анархии*. Наконец, чем же будет промежуток между захватом власти и будущим раем? Своеобразным государством или чем-либо иным? Практический реализм марксистской теории, которая в этом пункте не всегда даже оглашалась и составляла род учения эзотерического, сводился к тому, что *уничтожая государство,* марксизм не заменял его анархической утопией, но мыслил, в качестве будущего заместителя государственной власти, некоторую весьма твердую организацию, построенную на основании чисто технического регулирования. Так жили, по учению наших русских коммунистов, люди в стадии коммунизма первобытного. Основной и элементарной нормативной формой первобытного общества был обычай, который и является ничем иным, как техническим

правилом социального поведения людей. При простых и ясных отношениях первобытного общества, «обычай, которым определялись действия людей друг по отношнию к другу, был таким же практическим знанием, как и всякие другие практические знания, которыми определяются действия людей по отношению к внешней природе». Нарушение обычая не было преступлением или грехом, но простой нелепостью, жизненной нецелесообразностью. В таком обществе не было фетишизма норм, не было поклонения чему-то высшему, каким-то императивам. Но, думают коммунисты, нечто подобное должно иметь место и в будущем коммунистическом обществе, которое будет отличаться от первобытного превосходством техники, однако, неизбежно отразит в себе некоторые черты первобытного коммунизма. В будущем обществе социальные нормы морали и права, «долга» и «справедливости» перестанут быть какими-то безусловными велениями. Оне превратятся в род чисто технических норм, с условной обязательностью и условными велениями. Не следует думать, что при господстве таких условных норм исчезнет принуждение и социальная жизнь будет свободнее. Подобно древнему обществу, господство обычаев при новом коммунизме будет очень сурово, и уклонение от обычая будет караться безпощадно. Коллектив будет защищаться, убивая нарушителей обычая или изгоняя их из своей среды. Общество будет принуждать *с силою чисто технического аппарата.*

Сказанное не только об'ясняет некоторые черты правопорядка в коммунистическом обществе, но и отвечает на вопрос об отношении коммунизма к государству. Коммунизм, с одной стороны, склонен отрицать государство, но с другой стороны, коммунисты отнюдь не отрицательно относятся к централизованному общественному аппарату властвования. В противоположность анархистам, коммунисты не только не стремятся к уничтожению этого центра, но даже всячески хотят его усилить. Другими словами, коммунисты хотят уничтожить современное буржуазное государство потому, что у него этот центр недостаточно развит. На место буржуазного государства коммунисты хотят поставить столь ценрализованное общество, которое потеряет характер государства и превратится в чисто техничский аппарат, в машину.

Такова «русская правда» в ее последней редакции, тем особо замечательной, что здесь уже дело идет не о простой теории, но о грандиозном опыте ее применения в жизни. «Русская правда» стала из слова делом, и вот уже скоро десятилетие, как она существует в виде «праведного» коммунистического государства, в котором властвуют «угнетенные» рабочие и крестьяне, тщетно делающие попытку совершить чудесный прыжок из царства необходимости в царство свободы. При таком положении весьма бесплодно критиковать новую «русскую правду» теоретически. Да и сколько ее так критиковали! Можно сказать, что теоретическая критика исходила марксистскую теорию вдоль и поперек, проникла во все ее закоулки, — теоретически убедительно,

но практически не так уже плодотворно. Раскритикованный марксизм все еще существует, так как он до сей поры представляется многим настоящей «правдой». Однако, другая критика — и уже смертельная, беспощадная — совершается над марксизмом самой жизнью. Жизнь обнаруживает на опыте, какая это «правда» и дорого-ли она стоит. Вот уже скоро десять лет, как Россия ищет коммунистического рая, а на деле получает все более упрочивающийся быт, в котором имеются свои «угнетатели» и свои «угнетенные», своя новая буржуазия и старый пролетариат, свои — отчасти новые, отчасти старые — классы, своя бюрократия. С каждым годом все более и более удаляется возможность приближения конечного рая, и ожидаемое «царство свободы» с каждым годом превращается в реальнейшее царство новой «необходимости». Вот уже скоро десять лет совершается не знающая себе примеров в истории реорганизация общественных отношений, а что же человек стал лучше? Уменьшилось зло в его душе, уменьшились преступления, запустели тюрьмы, заржавели ножи эшафотов? Прекратился разврат, иссякла ненависть и зависть, потухла вражда? Нет более любви к деньгам, к приобретению, к собственности? Любовь и братство осеняют Россию, волк пасется рядом с ягненком, пушки перелиты на плуги и не слышно более бряцающего меча? Вот уже скоро десять лет, как протекает тот переходный период диктатуры, который должен смениться установлением нового безгосударственного состояния будущего коммунистического строя! А что-же государство все иссякает? Напротив, мы видим, что диктатура эта приняла формы постоянные, выработался особый государственный быт, сложилось «советское государство». Государство не сдано в архив, по завету Энгельса, но только изменило свое лицо и приобрело новые формы Практически теперь уже в России никто и не мечтает об «упразднении государства», — мечтают разве только о том, чтобы уменьшить весьма ощутительный гнет, который истекает из коммунистической власти. Одним словом, программа, продиктованная новой русской правдой, провалилась по всем своим существенным пунктам. И это есть наиболее существенная, наиболее неопровержимая критика «русской правды» в ея новом, «передовом», «интеллигентском» понимании.

Пускай не думают, что все неудачи эти вызваны случайными затруднениями, на которые марксизм натолкнулся в процессе осуществления «земного рая». Кто думает так, тот топчется еще на месте, тот не почувствовал еще всей глубины происходящего в настоящее время в России кризиса. От русской болезни излечиться можно только тогда, когда будет твердо и непререкаемо усвоена мысль, что неудачи «русской правды» в ее новом понимании проистекают из ошибочности принципов, а не из затруднений при их применении. Ныне, более чем когда-либо, надлежит утверждать ту истину, что конечной двигательной силой общественной жизни является душа человека. Нет сомнения, что на душу эту накладывают неизгладимую печать внешние

условия, экономические и социальные, но никакие условия не могут сделать душу хорошей или дурной, если она этого не хочет. Можно изобрести совершеннейшие социальные учреждения, однако, они бессильны преобразовать человека, если только он сам не поставит перед собою целей самопреобразования. Самая справедливая организация фабричного предприятия погибнет, если исполнителями будут люди, не знающие, что такое честность. Самая совершенная политическая форма превратится в общественную клоаку, когда граждане будут сплошными ворами, казнокрадами и насильниками. Мы думаем, что в опытной истинности этих мыслей убедился теперь каждый советский гражданин, работавший в десятках разных чудеснейших по своим задачам товариществах, кооперативах и других учреждениях. Иными словами, от новой русской интеллигентской правды нужно перейти к правде *старой московской*. Нужно понять то, что недоступно было пониманию русской «передовой» интеллигенции: нужно понять, что хорошим человека делает личная работа над собой, подвиг самоусовершенствования. А если люди станут хорошими, то тем самым и социальная жизнь улучшится. При этом нужно, конечно, считаться, с пользой социальных учреждений. Без учреждений человек не может жить совместной жизнью, — и раз он сам улучшится, он тотчас же должен строить и новые, более совершенные учреждения. Ошибка старой, московской «правды», заключалась в том, что ее представители и идеологи этой пользы учреждений не понимали. Старая, московская «правда», ссылаясь на волю Божию, не формулировала никакой социальной и политической программы, необходимой для усовершенствования государства. Когда воля Божия не исправляла мирские дела, сторонники старой «правды» уходили в леса и предоставляли государственным делам идти так же плохо, как они до сих пор шли. Современный русский человек не может этого делать, он призван к строительству своих общих дел, он обязан строить свои новые общественные учреждения. Но он должен помнить, что без личного совершенствования строение новых учреждений есть самое пустое и праздное дело.

Возвратившись к признанию старой московской «правды», русский человек тем самым не может не освободиться от лжи того нравственного учения, которое ему было привито марксизмом. Хорошим человека делает не «зачисление» в класс, а внутренняя работа над собой, следствиями которой будет любовь человека к другим людям, желание им добра и правды. Все знают теперь, что голая принадлежность к «пролетариату» или к «коммунистам» сама по себе ровно ничего не говорит. В причисливших себя к «прогрессивному классу» оказалось не менее негодяев, чем их было в старой, истребленной «буржуазии». «Хорошим» человек бывает не потому, что он «пролетарий», а потому, что он по душе добр.

И, наконец, возвращение к старой московской «правде» решительно должно изменить и отношение русского человека к государству.

Причем, здесь перед нами встает самый трудный пункт всего вопроса. Здесь современному русскому человеку приходится вступить на путь самостоятельного и смелого размышления, которое должно открыть ему новые горизонты и новые пути к их достижению. В то-же время не могут быть приемлемы для русского человека и те политические воззрения, которые развивает марксизм. «Русская правда» должна выработать свой новый политический идеал. В России у нас никогда не было своеобразных политических теорий, как были оне, скажем, во Франции и в Англии. Англичанин Локк, французы Монтескье и Руссо наложили печать своих воззрений на всю новейшую западную конституционную историю. Современные западные государства европейской и американской культур являются, в сущности, опытными приложениями теоретических построений этих политических писателей. У нас, русских, роль политических идей была не столь значительна и государство наше строилось стихийно, в полусознательном, «органическом» порыве. Ныне наступил момент свободного творчества русских политических идей, которые вовсе не призваны безусловно подражать Западу.

3. О ГОСУДАРСТВЕ, КАК СОЮЗЕ МИРА.

Специальным приложением марксистской «правды» была классовая теория государства, которая является в настоящее время оффициальной идеологией советской власти. По всем известному и ныне излагаемому во всех «политграмотах» марксистскому учению, всякая «политическая власть в собственном смысле слова есть организованная власть одного класса в целях угнетения другого класса». Политическая власть в буржуазном государстве есть «комитет, управляющий делами всего буржуазного класса». Государство, по словам Энгельса, не есть «действительность нравственной идеи», как это утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимые противоречия с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. Такое, запутавшееся в противоречиях общество создает орган для защиты своих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган и есть государственная власть. Едва возникнув, оно старается стать в независимое отношение к обществу и тем более успевает в этом, чем более оно является органом одного какого-нибудь класса и чем более оно поддерживает господство этого класса. По мнению Энгельса, все исторические известные нам государства были такими орудиями господства различных, сменявших друг друга в истории, классов: — рабовладельцев в древности, феодального дворянства в средние века, буржуазии в наше время. Тогда, когда с ходом общественного развития исчезнут общественные классы и все

производство сосредоточится в руках об'единенных рабочих, тогда государство исчезнет. Государство, ставшее представителем не класса, а всего общества, делает себя ненужным и излишним. Раз некого угнетать, ненужен и аппарат угнетения. Ставший у власти пролетариат уничтожает все классовые различия — и уничтожает себя, как класс. Тем самым уничтожается и система классового угнетения, носящая имя «государство».

Следует подчеркнуть, что эти воззрения на государство, как на организацию классовой борьбы и угнетения, исповедуются не только одними сторонниками Маркса. Подобную теорию государства строили и буржуазные ученые, придавшие ей не менее оригинальную и интересную, но не пользующуюся широким распространением формулировку. Так, австрийский социолог Гумилович, подобно марксистам, утверждает, что «социальный мир с самого начала и повсюду движется группами, группами приступает к деятельности, группами борется и стремится вперед».*) Только первоначальной и основной, «естественной», группой Гумилович считает не класс, а племенную группу, расу. Исторические государства и произошли, как результат покорения одних, слабых племен другими, сильными. Поэтому по социальному составу своему, всякое государство есть властвование одних социальных групп над другими. Государства возникшие из борьбы племен, с течением времени превращают победителей в правящий класс, а побежденных в класс рабочих и служащих. Взаимоотношение этих классов и составляет внутреннюю жизнь государства.

Из новейших «буржуазных» ученых к ученикам Гумиловича причисляет себя известный немецкий социолог Оппенгеймер, по словам которого «государство на ранних ступенях своего существования является почти исключительно социальным учреждением, которое навязывается группой победителей группе побежденных — с единственной целью урегулировать господство первой над второй и предохранить себя от внутренних восстаний и внешних нападений».**) Установленный таким образом государственный порядок не преследует никаких других целей, кроме экономической эксплоатации. Также и не менее известный французский юрист Дюги придерживается взгляда, что всякая государственная власть сводится к простому физическому преобладанию одних людей и одних человеческих групп над другими. ***) Государственный порядок основан на способности одних внушать свою волю другим. Везде, где мы устанавливаем в известной совокупности людей наличность силы физического принуждения, там мы можем сказать, даже должны сказать, что существует государство. Таким образом взгляд на государство, как на продукт борьбы социальных групп и насилия одних над другими, отнюдь не есть какая-либо спе-

*) L. Gumplowicz. Gründriss der Soziologie, 1885, стр. 167.
**) Fr. Oppenheimer. Der Staat, стр. 8.
***) Duguit. Droit Constitutionnel. 1907.

циальная теория, которая отличает «пролетарскую» науку от «буржуазной». Взгляд этот в его различных вариантах широко распространен среди современных ученых просто потому, что в нем много реальной, исторической правды. Действительно, многие из известных нам исторических государств произошли из покорения одних племен другими. Внутренние же политические отношения живущих в государственном существовании народов полны проявлениями классового угнетения и классовой борьбы. При известной узости умственного и морального зрения, за этой борьбой и за этим угнетением в государстве уже больше ничего не видно, — таким образом государственная организация и превращается, под известным углом зрения, в некоторый специальный аппарат социального угнетения. Точка зрения эта особенно соблазнительна потому, что другие стороны государственного бытия открываются только в результате значительной умственной внимательности и умственного напряжения. Они не так открыто бросаются в глаза, как отношения голого принуждения и насилия.

На самом деле, неужели государство со всеми его сложнейшими и обширнейшими отправлениями целиком сводится к тому, что сильные господствуют над слабыми и что один класс угнетает другой? Государство строит школы, проводит железные дороги, заботится о здоровьи граждан, улучшает материальные основы их существования, — но все это на самом деле есть классовая борьба, тем более вредная, что она ведется в замаскированных формах! Если последовательно провести этот взгляд, то придется признать, что в жизни государств нет ни одного мероприятия, которое имело бы в виду не только классовый, но и *общий* интерес. Нет, стало быть, никакого сотрудничества между классами и нет никаких государственных задач, преследующих цели «самостоятельного, нейтрального регулирования».

Наиболее бросается в глаза то, что всякое, даже явное классовое государство принуждено защищать государственное целое от внешней опасности и не может не устанавливать некоторых основ всеобщей внутренней безопасности для всех граждан. При этом государство может явно предпочитать интересы одних групп и ставить на второй план интересы других, однако же, оно перестает быть государством, если не устанавливает сколько-нибудь постоянного мирного порядка жизни входящих в государство социальных групп и классов. Государство отличается от простого поля сражения, где происходит постоянная потасовка, тем, что в пределах государственного порядка устанавливается некоторое перемирие, которое дает возможность более или менее устойчивым формам жизни. Нормально государство берет на себя нейтральные задачи охраны жизни, имущества, здоровья, внешней и внутренней безопасности и т. д. не только имущих и сильных, но, хотя бы в неравной степени, и всех других. Равным образом и государство, существующее на основе пролетарской диктатуры, не могло не установить некоторого порядка общей жизненной безопасности даже и для «буржуев». Окарнованный «буржуй» проле-

тарского государства все же защищается от простого ограбления на улице так же, как и охраняется рабочий. А простое убийство «угнетенного» рабочего капиталистического общества так же карается судом, как и убийство «буржуя».

Наличность этих нейтральных целей государственной жизни не может отрицаться и самими представителями классовой теории государства. Сами сторонники теории экономического материализма принуждены признать, что государство, по крайней мере в некоторые периоды своего существования, есть некоторая, «стоящая над обществом» сила, которая «умеряет классовые столкновения, держит их в границах порядка и таким образом препятствует тому, чтобы борьба классов дошла до границ взаимнаго истребления». *). Если у родоначальников марксизма такой взгляд на государство высказывался мимоходом, то некоторые современные представители западного марксизма формулируют его вполне отчетливо и даже прямо упрекают своих учителей, что для них неясна была другая, мирная сторона государственной жизни, неясно было то, что государство есть «порядок совместной жизни людей, существующий во взаимных целях, — публичное общество или, по выражению Гегеля, организм, упорядочивающая способность которого создала в общественной жизни благоприятную почву для поднятия огосударствленных племен и народов до их теперешней культурной стадии развития». **) Так говорят, впрочем, «меньшевики» и «соглашатели», которых в советской России оффициально принято презирать; но к этому, в более осторожной форме, склоняются и писатели советской школы. Классовое общество, говорит один из них, есть система, построенная на началах борьбы, *система дисгармонии*. Но как же, спрашивает он, такая дисгармоническая система способна существовать, как *некоторое целое?* Целого не может быть, если нет в нем некоторого единства. В этом автор видит некоторое несомненное противоречие классового общества, умеряющееся реально только тем, что органом классоваго общества является государство. Государство и преследует цели сохранения существующей дисгармонической системы; государство «компенсирует органический дефект классового общества — отсутствие внутреннего единства». Все это есть замаскированное и тщательно обезвреженное признание того, что государство несет с собой начало единства и взаимности, что оно, следовательно, есть «замиренное общество» или союз мира, — может быть, мира несправедливого, но все-таки мира. ***)

Эта «мирная» сторона государства отмечается и буржуазными представителями классовой теории. Гумплович, например, отмечает, что насильственный характер государства обнаруживается главным

---

*) Engels. Ursprung der Familie. 6 Aufl.

**) Cunow.

***) Энгельс. Основы советской конституции, 1923, стр. 29.

образом, на ранних ступенях государственного развития. *) С течением времени внутренния отношения властвования необходимо смягчаются, и власть начинает преследовать не только личные, но общие, социальные цели. Оппенгеймер тратит не мало труда на доказательство простой мысли, что жизнь социального целого определяется особой солидарностью его частей. Поэтому он хочет построить «синтез» между теорией чистого насилия и теорией добровольного образования государств, как о ней учили старые авторы школы естественного права и сторонники теории общественного договора. **). Вся государственно-правовая теория Дюги построена на том, что принятый им исходный взгляд на государство, как на продукт чистого физического насилия, смягчается введением других, противоположных начал, — именно, начала общественной солидарности и права. Одним словом, можно вполне согласиться с мнением одного новейшего юриста, который говорит: «громадная заслуга социологического направления заключается в указании на общественные противоречия внутри государственного целого и в ярком освещении образования классов и отношений социальной взаимозависимости; однако, ошибка его состоит в том, что оно игнорирует существующую поверх всяких противоречий солидарность интересов организованного в государство народа и не дооценивает тех факторов, которые, в противоположность классовым противоречиям, оправдывают и защищают соборные задачи государства». ***).

Если перейти от теории к чисто практическим теченим в современной политической жизни, то нельзя не отметить, что указанную солидарную стихию государства с собой силой и выразительностью подчеркивает итальянский фашизм. «Фашизм» — гласит одна из десяти фашистских заповедей, ****) — «есть Италия буржуазная и пролетарская, Италия всех трудящихся, которые на место мифа о борьбе классов и на место факта гражданской войны поставили *деятельную кооперацию* всех граждан». «Фашизм есть священный союз всех истинных итальянцев». «Фашизм есть принесенная с чувством преданности жертва личного блага благу всей нации». В этой жертве национальному целому принесены не только индивидуальные, но и классовые интересы. Фашисты утверждают, что они свергли итальянскую буржуазию не в интересах какого-либо другого класса, но в интересах национального целого. Перед его лицом все интересы равны, — и интересы буржуазии и интересы пролетариата.

Полное непонимание этого начала солидарности, живущего в каждом здоровом государственном организме, составляет одну из основных причин той болезни, которая терзает современную Россию. Марк-

*) Gumplowicz. Allgemeine Staats Lehre, стр. 45, 202, 287.

**) Oppenheimer. System der Soziologie, I, 1923, стр. 470, 489.

***) Menzel. Begriff und Wesen des Staates. Handbuch der Politik, I, стр. 44,

****) Op. M. H. Christo, Mussolini batisseur d'avenir: «Le décalogue fasciste»,

сизм привил ее телу субстанцию, питающую вечный процесс разложения и раздора. До тех пор, пока русские люди — и правящие и управляемые — не поймут, что государство есть стихия мира, до тех пор невозможно будет ожидать восстановления нормальной политической жизни советского государства.

4. О ГОСУДАРСТВЕ, КАК СОЮЗЕ ПРАВДЫ.

Однако,, государство является не только союзом мира, оно должно быть также и союзом правды, — и это вытекает неизбежно из понятия о государстве, как о союзе мира. Охранять мир можно только во имя чего-либо, во имя каких-либо принципов или идеалов. Наиболее обычным из таких принципов является принцип простого сохранения жизни. Государство призвано осуществлять свои нейтральные функции ради того, чтобы отдельные люди или входящие в государство социальные группы и классы просто не пожрали друг друга в жестокой взаимной борьбе. Государство, иными словами, должно жить само и для этого давать жить другим. Оно должно заботиться о целом и потому о сохранении равновесия между противоречивыми жизненными интересами отдельных общественных групп и отдельных лиц, борясь с этими интересами, когда они грозят жизненным интересам других и целого, балансируя эти интересы и приводя их в систему некоторой жизненной устойчивости. Государство должно заботиться о том, чтобы каждому воздавать ему принадлежащее и оправданное его деятельностью на пользу целого, — но не более этого. Если назвать принцип такого воздаяния каждому своего *справедливостью*, то государство и будет союзом справедливости. Однако, такое понятие справедливости очень бессодержательно и формально: в конце концов остается неясным, каково же должно быть содержание принадлежащего каждому и насколько об'ем этого содержания сам по себе справедлив. Формально справедливое государство должно, например, одинаково нейтрально относиться к интересам и предпринимателей и рабочих. Оно не может преследовать ни исключительно интересов первых, ни интересов вторых, — не может быть *классовым государством*, ни в буржуазном ни в пролетарском смысле этого слова. Оно в праве лишить власти буржуазию, если она неспособна справляться с этими нейтральными функциями; но оно должно свергнуть и рабочее правительство, оказавшееся не в меру эгоистическим в проведении своих классовых задач.

Но можно не без основания сказать, что по существу дела самое свойственное капитализму социальное деление граждан на буржуазию и пролетариат не справедливо. На самом деле, с точки зрения каких нравственных принципов можно защищать то положение дел, при котором одни граждане — и их неоспоримое большинство — должны

нести многочасовой, бессмысленный, отупляющий, духовно-уничтожающий труд, а другие — наслаждаться продуктами этого труда, и по большей части вовсе не в духовных целях, а просто в целях весьма не высоких, а иногда и прямо низменных удовольствий! В решительной, беспощадной постановке этого вопроса лежит старый смысл «русской правды», которая в большевизме нашла только свое последнее и уродливое выражение. Русское понятие о «правде» никогда не могло оправдать «капитализм», если под ним понимать хозяйственную организацию, при которой, по правилу, существуют две различные группы населения: владельцы средств производства, которые в то же время являются руководителями и представляют собою хозяйственных суб'ектов, и неимущие постоянные рабочие, которые являются об'ектами хозяйства и с которыми поступают на основании начала наибольшого приобретения и наибольшей хозяйственной пользы.*) Русский ум не мирится с тем, что капитализм основной целью хозяйственной деятельности считает не удовлетворение законных потребностей человеческой личности, но исключительно *приобретательство и увеличение* богатства.

Полной неспособностью найти нравственное оправдание капитализму отличается все наше белое движение, идейная неудача которого, между прочим, заключается в том, что оно ровно ничего не могло выставить против «большевизма», кроме жизненного героизма и штыков. Искренне говоря, никто из белых нравственно капитализма защитить не мог, а, между тем, боролся за капитализм. На том берегу было несомненное преимущество , проявляющееся не в силе оружия, но в способности агитации, — в способности убеждать в своей правде среднего русского человека.

Неумолимой исторической судьбе было угодно, чтобы убежденнейшим противникам большевиков суждено было попасть в капиталистическую Европу и Америку — и здесь стать не в роли «хозяйственных суб'ектов», а в роли «об'ектов хозяйства». Здесь они на собственном горьком опыте увидели то, что представляет собою капитализм. И для них, как для русских людей, особенно чувствительно, что капитализм убивает не столько плоть, сколько душу. Заработки иногда бывают и сносные, — но вот то, что у человека выматывают все нравственное достояние, что он способен после этого выматыванья только ко сну, в лучшем случае к кинематографу, что — как сказал один искреннейший человек, который десять часов в день возил стружки, — теряется даже *способность молиться* (а это для него было самое дорогое), — вот это оправдать нельзя, никакими ухищрениями, никаким лицемерием, никаким суесловием, к которому прибегают иногда ныне кающиеся бывшие марксисты.

Сила советского государства заключается в том, что оно своею целью поставило решительную борьбу с капитализмом, об'явило себя

---

*) Я беру здѣсь опредѣленіе капитализма В. Зомбарта.

таким образом, некоторым «государством правды» и заставило многих поверить, что оно действительно есть «государство правды». Поэтому идейно победить коммунистическую власть может не «государство факта», а какое-либо другое «государство правды». Иными словами, такое государство, которое также поставит своей целью борьбу с капиталистической эксплоатацией, но во имя иных, не коммунистических целей и другими, не коммунистическими средствами. Что касается до целей, то коммунистическое государство, следуя материалистической философии марксизма, признает только один вид освобождения — освобождение материальное, экономическое. Оно обещает дать всем людям в достаточном количестве хлеба, полагая, что остальное все приложится, если человек будет сыт. Да и прилагаться-то, в сущности говоря, нечему, так как марксистский коммунизм считает идеалом человека наиболее сытое, довольное и материально счастливое пребывание на нашей планете. Что касается средств, то коммунизм думает достигнуть уничтожения эксплуатации и счастливой материально жизни, при помощи уничтожения частной собственности на землю и орудия производства, которые должны стать собственностью всех трудящихся и угнетенных.

Одной из самых важных причин современной русской болезни является широко и упорно проведенный и до сих пор проводимый опыт лечения социального вопроса коммунистическими средствами и для коммунистических целей. Конституция советской республики ввела этот опыт в государственную систему, от которой советская Россия не отказалась до сих пор. «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком», — говорит ст. 3 первой советской конституции 1918 года, — «полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во все странах, III Всероссийский С'езд Советов... постановляет: а) В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд об'является *общенародным* достоянием и *передается трудящимся* без выкупа, на началах уравнительного землепользования; б) все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельско-хозяйственные предприятия, об'являются национальным достоянием; в) как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта *в собственность Советской Рабоче-крестьянской Республики*, подтверждается советский закон о рабочем контроле и о высшем Совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами...» Текст этот с теми или иными вариантами перешел в другие более поздние советские конституции и стал основной нормой жизни советского государства. С тех пор, как он был написан, советская власть провела, насколько можно широко, эту программу экспроприации и социализации, отступая от

нее только под давлением обстоятельств, — тактически, но не принципиально. И что же выяснилось, как результат? Неоспоримая правда борьбы с эксплоатацией и столь же неоспоримая кривда коммунизма. Критики коммунизма справедливо указывают на тот его удивительный парадокс, что, будучи средством борьбы с капиталистической системой, на самом деле он является возведением «в предельную ступень» того зла, от которого капитализм страдает.*) Практика коммунизма в России может убедить в том, что вместо многих капиталистических хозяев в советском государстве стал один, громадный хозяин-капиталист — сама советская власть. Рабочие при коммунизме остались рабочими, причем класс их, пожалуй, увеличился, ибо все стали работниками у государства. По-прежнему рабочие эти работают по 8-10, а то и более часов, а получают нередко менее, чем при капитализме. При капитализме рабочий мог уйти от хозяина, а здесь и уйти некуда, так как хозяин один и все об'емлет. Когда рабочие указывают на все это, им отвечают: теперь вы являетесь собственниками всего, теперь нет никакой эксплоатации. Вышеприведенные выдержки из советской конституции содержат слова, которые нами подчеркнуты и которые открывают весь секрет коммунистической системы: оказывается, что по конституции безразлично, является ли собственником весь трудовой народ или государство, — т. е. рабоче-крестьянская республика. Конституция забывает, что в республике, как и во всяком государстве, имеется своя правящая группа (ср. ниже) и «принадлежать республике» — это значит быть в распоряжении этой группы. Русский народ на тысяче опытов мог убедиться, что по конституции-то, например, земля принадлежит всему народу, а на деле ею распоряжается власть или, вернее, правящая в России коммунистическая партия. Так в конце концов выходит и во всех других областях жизни и отношений.

Законодеятельным выражением описанного положения дел является «декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа». Если сравнить эту декларацию с декларациями буржуазными, то бросается прежде всего в глаза, что основные ее пункты по большей части содержат изложение прав, так называемой, *положительной свободы*. По марксистскому учению, права буржуазных деклараций суть, по существу дела, права не свободы, а эксплоатации. Буржуазные декларации об'являет свободу собственности и обогащения, — это значит, что допускается возможность богатым эксплоатировать бедных; буржуазные декларации об'являют свободу договоров — это значит, что голодный рабочий становится лицом к лицу с представителем капитала, продает свободно ему свой труд, конечно, по невыгодной цене, и попадает в рабство; об'являют свободу печати, но средства производства находятся в руках капиталистов и, таким образом, печать попадает в руки капитала; об'являют свободу образования, но неимущий вообще не имеет времени образовываться и школы, опять-таки,

*) По выражению В. П. Вышеславцева, «Путь».

становятся чисто буржуазными и т. д. В противоположность этому учению об отрицательной свободе, положительное учение о свободе хочет дать свободу настоящую, а не бумажную. Этого она достигнет, предоставляя в руки народа все богатства и все материальные средства. По внутреннему существу своему права положительной свободы и сводятся к дозволению коллективно пользоваться теми благами, которые предоставляются советской республикой «трудящемуся и эксплоатируемому народу». Таково, например, право «действительной свободы печати», сводящееся к тому, что советская республика «предоставляет в руки рабочего класса и крестьянства все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране». Фактические отношения, возникающие из этого права, характеризуются тем, что на всей территории социалистической республики не издается ни одной газеты, которая не была бы официальным органом коммунистической партии. В коммунистической России не существует до сей поры никакой, ни буржуазной ни социалистической, свободной прессы, причем последняя не менее невозможна, чем первая. Иными словами, правящая в советском государстве группа *предоставляя орудия печати в пользование трудящимся, принудительно регулирует также и условия пользования предоставленными благами.* Совершенно так же дело обстоит и с другими правами в области «положительной свободы». «Положительная свобода» рабочих и крестьян в области права союзов сводится к тому, что советская республика, «сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и крестьянам содействие для их об'единения и организации». *Фактически это значит, что государство не только создает материальные условия помощи союзам трудящихся, но и регламентирует, как единоличный хозяин, жизнь этих союзов и направляет их деятельность.* На место частных об'единений рабочих создаются субсидированные государством официальные и полуофициальные организации. Следствием этого является, что на всей территории союза вплоть до настоящего времени нет ни одной легально действующей *независимой* организации, преследующей какие-либо профессиональные, политические, культурные или какие-либо иные цели.

«Обеспечение трудящимся действительного доступа к знанию», провозглашаемое в советской декларации прав, составляет одну из существенных забот советского государства. Однако, менее всего можно сказать, что в области народного образования проявляется хоть сколько-нибудь начало свободы. Напротив, дело народного образования, начиная с начальной школы и кончая школой высшей, строжайше регламентировано государством, — регламентация, незнакомая истории и напоминающая до известной степени утопические

проекты идейного коммунизма в стиле, скажем, государства Платона. На всем протяжении союза, юридически невозможно существование частных школ, по программам своим отступающих хоть сколько-нибудь от однообразной коммунистической трудовой школы. Точно регламентированы учебные планы и даже учебные пособия. Применение учебников, не одобренных правительством, фактически невозможно.

Одним словом, получилось так, что коммунизм хотел избавить людей от зол капитализма, а на самом деле более увеличил те недостатки, которые капитализму свойственны. Поэтому, по сравнению с коммунистическим режимом, государственный строй европейских буржуазных демократий кажется строем действительно свободным. И, действительно, буржуазные конституции обеспечивают гораздо более «свобод», чем коммунистическое государство.

В советской декларации прав отсутствуют многие права, входящие в обычный каталог прав «буржуазных». В них отсутствуют прежде всего всякие намеки на утверждение равенства перед законом и формальной законности, как основных условий охраны правового положения личности. Отсутствует также всякое упоминание о неприкосновенности личности, о границах государственной власти и подконтрольности государственных актов. В каталоге прав трудящегося и угнетенного народа отсутствует, далее, указание на право свободно выражать свои мнения и на право свободного передвижения. С отмеченной стороны новейшие конституционные тексты советского государства не содержат ровно никаких изменений по сравнению с более старыми. Конституция *РСФСР* 1925 года не обнаруживает никаких тенденций к расширению каталога прав по сравнению с законодательными памятниками 1918 года. В указанном направлении законодательство советской республики стоит, следовательно, на мертвой точке. Фактические отношения заставляют советское правительство иногда сходить с этой мертвой точки, однако же, подобное движение идет зигзагами и не выражается в принципиальном признании необходимости вступить на новый путь. За последние годы, например, призыв к утверждению начала законности стал весьма модным в советской республике. Однако, такой призыв всегда сопровождается указанием, что это законность особая, не похожая на законность «буржуазную». Революционная законность вовсе не требует уважения к закону. Подобным же образом период, так называемой, новой экономической политики, обнаружил более терпимое отношение к началу хзяйственного самоопределения и хозяйственной свободы, однако, и здесь не было донущено каких-либо принципиальных уступок. По выражению Зиновьева, Россия, стоящая на новой экономической политике, может существовать только постольку, поскольку она должна превратиться в Россию коммунистическую. Отсюда постоянные конвульсивные движения в сторону истребления всяких последствий новой экономической политики, приведшие к ее почти полному уничтожению в 1924 году, после чего опять наступил период, так называемого нового НЭП-а. Впрочем, условный характер сделан-

ных в этом направлении уступок, отлично охарактеризован был тем же Зиновьевым. «Бомбардируй буржуазию из-за прилавка образцового кооператива» — такова была программа нового возвращения к новой экономической политике.

В сущности, советская конституция знает только два права, в которых защищается свобода человека: это право свободы антирелигиозной пропаганды и право самоопределения национальностей. Что касается первого, то советское правительство, считая своей политической миссией борьбу со всякой религией, как «опиумом народа», фактически аннулировало всякую возможность пропаганды религиозной и создало прямое покровительство пропаганды антирелигиозной. Процесс этот, как всем известно, пережил в советской республике несколько стадий развития. Он протекал весьма остро в первые годы существования республики, когда борьба с религией приняла организованные формы при помощи коммунистической партии, и главным образом, союзов коммунистической молодежи. Политика эта для советского правительства имела скорее отрицательные, чем положительные результаты, не только не отвратив верующих от религии, но до известной степени укрепив и сплотив их. На неблагоприятные, с точки зрения коммунистов, результаты неосторожной антирелигиозной пропаганды было обращено оффициальное внимание, и постепенно пропаганда эта приняла более мягкие формы. Но и до сей поры эта пропаганда встречает оффициальное сочувствие, тогда как свободное выражение религиозных мнений преследуется. Книги по религиозным и даже по философским вопросам выходить не могут. Старая богословская и философская литература считается «контр-революционной» и пользование ею даже в публичных библиотеках всячески стесняется. Сюда принадлежат все книги, составленные в духе идеалистической философии, теософии, спиритуализма, спиритизма и т. п.

Что касается до права на национальное самоопределение, то оно находит довольно широкое поощрение в пределах советского государственного строя. Строго говоря, это право есть единственное из прав «свободы», которое фактически находит признание в советской республике. О его применении мы будем говорить особо.

Не может быть ровно никакого сомнения, что рано или поздно, русский народ прийдет к полному сознанию, что «правда» советского государства превратилась в «кривду» коммунистической системы. И тогда русскому народу придется решительно порвать с коммунизмом. Но, куда же он вернется, этот поверивший в правду коммунизма, русский народ? Назад, к «буржуазному», «капиталистическому» строю? Многим возвращение это покажется действительным раем, хотя принципиально, с точки зрения «социальной правды», капитализм никак нельзя защитить. Вернувшись к капитализму, как это многие предполагают, русский народ примет капиталистическую систему условно, не веря в нее и не считая ее «праведной». Но русский народ есть народ, ищущий правды и не могущий жить без правды. Какая же правда

встанет перед ним после возвращения к капитализму? Может быть, никакой? Может быть, русский народ утратил свои юношеские мечты и станет трезвым позитивистом? Он просто станет жить, не думая, хорошая это жизнь или плохая. Мы не верим в эту возможность и не считаем ее желательной. Мы уверены, что русский народ, или, по крайней мере, лучшая часть его, всегда будет искать правду. Где же он будет искать ее при возвращении к капитализму? Опять в социализме? Опять, стало быть, как в детской сказке: «начинай сначала». Нет более трагикомического положения, как только-что нами допущенное,— и это трагикомедия всех современных русских социалистов. Принести гекатомбу жертв, чтобы ввести систему коммунизма, потом отвергнуть ее, как невозможную и несправедливую..... чтобы опять начать верить в социализм, как в праведный общественный строй! Можно наверняка сказать, что этого в России не будет. Русский народ примет правду коммунизма и откинет его кривду. Он, по-прежнему, будет бороться с эксплоатацией и рабством во имя человеческой свободы, но уже *не в коммунистических целях и не коммунистическими средствами.*

Здоровье будущего русскаго государства обусловлено тем, что оно также должно быть «государством правды». Оно должно, следовательно, встать не на точку зрения справедливости формальной, но на точку зрения справедливости материальной. «Государство правды» образуется не простым введением правового, демократического строя буржуазных государств, как это многие в настоящее время думают. «Государство правды» образуется и не тем, как думают другие, что государственный союз отрешается от демократического релятивизма, становится конфессиональным, что оно властью начинает поддерживать истинную религию, принуждать к ней людей, заставлять их ходить в церковь, силой помогает им спастись. И не в том, что в государстве устанавливается некоторый религиозный быт, в рамках которого протекает вся жизнь гражданина. Русской истории знакомо такое в внешне-бытовом смысле, «праведное» государство, которое с социальной точки зрения, построено было, однако, на рабстве. Ведь, не без основания у одного из наблюдателей Московской жизни, человека искреннего и проникнутого христианским духом, при рассуждении о государстве, возникла такая ассоциация: шествуя по жестокому и многих бед исполненному пути своему, встретил женщину, сидящую у дороги и преклонившую голову свою на колена, и плачущую без утехи, а вокруг нее звери, львы, медведи, волки; и на вопрос его, кто она, ответила — «Не спрашивай, навлечешь на себя большую напасть и ненависть... Я царство, страждущее от злых властителей»....*)

Государство осуществляет и представляет интересы целого. Однако, оно осуществляет их не в качестве чего-то обособленного от составляющих его социальных групп и индивидуумов и не в качестве одного или одной из них. Смысл государства в том, что оно об'единяет

*) Слова Максима Грека, ученика Савонаролы.

и гармонизирует свободную и бессознательно направленную на интересы целого деятельность составляющих его групп и индивидуумов. Очевидно, поэтому, что государство должно определить и охранить некоторую сферу свободной деятельности индивидуума и социальной группы и что без этого оно существовать не может. Такую сферу и можно назвать сферою «основных прав» индивидуума (и группы). «Основные права» обнаруживают, следовательно, свой функциональный смысл и неразрывную связь их с обязанностями по отношению к целому, представляемому государством. Они одинаково необходимы и для государства и для индивидуума, будучи выражением своеобразного строения государства, как единства множества.

Из утверждения этих и *так* понимаемых, «основных прав» и должно исходить «государство правды». Но у человека, в сущности говоря, есть только одно неоспоримое право — это право на внутреннее, духовное развитие. Отрицание этого права уничтожает у человека качество быть человеком и делает нормальное развитие государства невозможным. Свойственное всем великим религиям — и особенно, браманизму, буддизму и христианству, учение о царствии Божием, как о царствии внутреннем, духовном, которого человек может и должен достичь внутренним деланием, доставляет непререкаемую основу для учения о человеческих правах, которые обязано защищать праведное государство. Праведное государство призвано создать те условия, при которых человеку дана была бы возможность на полное духовное совершенствование, на достижение этого Божьяго царствия. И, прежде всего, на праведное, христианское государство возлагается чисто отрицательная задача борьбы с нарушениями этого основного права другими людьми. Такие нарушения могут быть прямыми, открытыми, — в случаях разного рода злонамеренных посягательств на человеческую жизнь и свободу, — но могут быть они и косвенными, проистекающими не из тех или иных намеренных действий, но из стихийного течения событий и отношений, возникающих в пределах общественной жизни человека. И первым условием является обеспечение за человеком права духовной свободы, как непременного условия его внутренней жизни. Поэтому, «праведное», истинно христианское государство не может не считать основоположением своей конституции той хартии свободы, которую неправильно считают особенностью западных демократических государств. Надлежит помнить, что за много веков до того, как возникла западная культура, индийский царь Ашока (ок. 2½ ст. до Р. Х.), исходя из мотивов религиозных, провозгласил в своем государстве начало полной свободы духовных исканий и духовной жизни. А особенно нам, русским, надлежит помнить, что лучшие представители православия, в частности, наши «заволжские старцы», во главе с Нилом Сорским, принципиально стояли на точке зрения духовной свободы и, насколько позволяла эпоха, боролись с тем направлением русского православия и русской государственности, которое отрицало это право. Хартии свободы, как они возникли на Западе, в «Декларации прав чело-

века и гражданина» включают в себя много случайного, навеенного духом времени и условиями политической жизни и политической борьбы того исторического периода, когда декларации эти появились на свет. Главным недостатком их является то, что они формулируют не принцип духовной свободы, а некоторые конкретные способы его достижения, абсолютируя иногда эти способы, делая из средств цели и, с другой стороны, совершенно пренебрегают неразрывною связью всякого права с обязанностью. Так, например, обстоит дело с принципом неприкосновенности собственности, который в праведном государстве не может быть самоцелью, но только средством (ср. ниже). Сходным образом и другие пункты демократических деклараций, как то: свобода слова, печати, мнений и т. п., провозглашают, в качестве принципов, специально свойственные западной культуре средства к духовному самоопределению, ценность коих принципиально защитима не сама по себе, а только с точки зрения идеи духовного совершенствования человека. Ибо, какую принципиальную ценность имеет, например, свобода печати, если она не служит духовной жизни человека? Не будем же мы защищать ее с той точки зрения, что она является удобным средством для политических интриг, для борьбы партий, для политической агитации и т. п.

Далее, в задачи справедливого, христианского государства входит борьба с нарушениями этого основного права свободы и его различных проявлений. Такие нарушения могут быть прямыми, открытыми, — в случаях злонамеренных посягательств на человеческую жизнь, физическую и моральную, — но могут они быть и косвенными, проистекающими не из тех или иных намеренных действий, но из стихийного стечения событий и отношений, возникающих в пределах совместной жизни людей. В первом случае на государство возлагаются цели обеспечения безопасности человека, защиты его судом, равенства перед законом и т. п. прав, хорошо разработанных в демократических государствах Запада. Что касается второго случая, то он представляет гораздо более трудную проблему.

Праведное государство не может ограничить своих задач ролью простого полицейского, который вступается, когда происходит нападение и кричат «караул». Праведное государство должно решительно бороться с теми социальными условиями, в силу которых человек стихийно попадает в обстановку, лишающую его всякой возможности духовного развития и духовной жизни. И эти задачи особенно важны в укладе жизни современных человеческих обществ. Когда люди жили в условиях примитивных и естественных, когда населения было мало, а земли много, когда культура не опутывала человека властью своих принудительных уз, — задачи государства были незамысловаты и просты. Человек, желавший посвятить себя духовной жизни, мог уйти в леса, в монастыри и скиты — и там жить почти-что вне условий культуры и вне границ государства. Теперь отношения сильно изменились. Нынешнему человеку некуда уйти от государства. Он фактически не мо-

жет вести свою жизнь иначе, чем в условиях государственной и культурной жизни. Культура заставляет его жить *по ее требованиям*, в ее рамках вести борьбу за существование, работать так, как она хочет, а не так, как хочет человек. Современный человек связан не только природой, но, главным образом, культурой, а эта «культура» построена вовсе не на началах справедливости и права. Таким образом, на современное государство ложатся особо тяжелые задачи освобождения человека от власти безпощадной социальной стихии. Ведь эта стихия сделала так, что человек по большей части родится «об'ектом хозяйства», за которым не признается никаких прав духа. Праведное, христианское государство призвано к положительным задачам восстановления современного раба социальной стихии в его основном праве, праве на духовное развитие и совершенствование.

Всего более порабощает человека социальная стихия своей экономической стороной. Имущественные отношения, вытекающие из права хозяйственного самоопределения и, в частности, из права собственности, которое и является юридическим выражением хозяйственной свободы, создают целый ряд условий эксплоатации одного человека другим. Хозяйственная свобода прежде всего порождает имущественное неравенство. В силу-ли личных способностей к приобретению, в силу-ли случая или в силу общественной привилегии, одни люди успевают в приобретательстве более, чем другие, и становятся по отношению к другим в более выгодное экономическое положение. Люди эти и даже целые поколения людей становятся баловнями общества, предоставляя другим роль социальных парий. Было бы преувеличением утверждать, что в основе этого процесса лежит только победа наиболее способных. Несправедливость буржуазной культуры заключается не в том, что она дает премию наиболее сильным в экономической конкурренции, но, главным образом, в том, что она закрепляет результаты этой победы за наследниками и потомками. Капитал, возникнув часто, как премия способности, становится наследственным преимуществом; бедность же, являющаяся часто расплатой за неспособность и леность, также унаследуется теми, кто в этих качествах не является повинным. Таким образом, родится социальный строй, который даже с точки зрения биологической, не отличается большими преимуществами, ставя в неравное положение прирожденный талант наследственного пролетария и полную бесталанность владетелей капитала, наслаждающихся плодами своих отцов. В строе этом может погибнуть гений от нужды, а тупица может купаться в богатстве. Мы уже не говорим о том, на что ранее указывали: на «экспроприацию» духовного мира у настоящего пролетария. Положение пролетария ужасно не тем, что он лишен собственности, — могут быть люди, которые вообще не заражены жаждой стяжательства, — но тем, что он лишен и всех духовных благ.

Государство, как союз правды, не может считать такую систему сколько-нибудь нормальной. Стало быть, первым пунктом его социаль-

но-экономической программы является обеспечение для всех граждан среднего достатка к существованию. Но здесь-то и открывается все различие путей коммунизма и путей, стоящих перед «праведным государством». Праведное государство, прежде всего, смотрит на решение проблемы нищеты, не как на самоцель, а *как на средство*. Наивно верить, что решение проблемы бедности само по себе может повести к установлению совершенной жизни в совершенном обществе. Царство всеобщего достатка, даже богатства, может быть по существу своему просто большой свинарней, в которой люди жрут и валяются в грязи. Не к этому же должно стремиться человечество, как к своему идеалу! И, далее, менее всего основательно полагать, что всеобщая «экспроприация», т. е. «освобождение» людей от собственности, действительно их освобождает. Если экспроприированная собственность передается другим собственникам, то получается не освобождение, а грабеж, и в результате, ничего не меняется. Вместо старой буржуазии рождается новая, — и не всегда лучшая, просто потому, что первая завоевала богатство борьбой и усилиями, а вторая просто захватила чужое. Если же экспроприированная собственность передается государству, то, как мы уже говорили, на место многих хозяев, становится один — чрезвычайно сильный, так как он все имеет. Такой хозяин будет похуже всякого обычного капиталиста и от него трудно ждать «освобождения». Наконец, лучшим исходом является, когда собственность передается известным социальным группам людей, — обществам производителей, кооперативам и т. д. Однако, русские люди отлично знают, что работа таких обществ обычно бывает малопроизводительной, бесхозяйственной. Для того, чтобы кооперативная фабрика конкуррировала с частным предпринимателем, нужно, чтобы у ее членов было громадное сознание общественного долга, колоссальная дисциплина, великая и бескорыстная любовь к труду, — словом, наличность тех нравственных качеств, которые не даются никакой общественной организацией, но приобретаются нравственным самовоспитанием, внутренним подвигом (см. выше). Решительно отрицая, следовательно, экспроприацию, как какое-то магическое лечебное средство, праведное государство в то же время не может смотреть на частную собственность, как на какую-то священную вещь. Нужно не забывать, что собственность *есть средство* для совершенной жизни, а не самоцель*). Оттого, если собственность дает человеку возможность к самоусовершенствованию и духовному развитию, праведное государство должно ее защищать. Если же она становится препятствием к самоусовершенствованию, праведное государство должно с ней решительно бороться. Праведное государство не может считать справедливым беспредельное приобретательство, вытекающее из неудержимого эгоизма и жадности, хотя менее всего должно действовать при этом

*) Более подробному выяснению этого вопроса будет посвящена готовящаяся к печати книга «О собственности».

какими-либо насильственными, революционными средствами. Напротив, в праведном государстве должны быть всеми силами созданы такие жизненные условия, которые бы давали внутренние стимулы к отрицанию беспредельного приобретательства. В этом отношении праведное государство должно стремиться к созданию культуры, которая покоилась бы на других основах, чем европейская и, главным образом, американская. Можно сказать, что коммунизм является детищем этой культуры: последняя хочет наибольшего обогащения средствами личными, коммунизм же стремится к наибольшему обогащению средствами общими. В капиталистической культуре много обогащающихся хозяев, при коммунизме один совокупный хозяин, который ставит себе те же цели, что и любой капиталист. Праведное государство должно стать вне пределов этого тезиса и антитезиса, — вне пределов диалектики, которая всецело входит в логику западной культуры. Праведное государство должно помнить, что экономические пути его — иные, чем пути Запада. Если Россия привила себе коммунистическую заразу, то в этом нельзя не видеть особых, предопределенных ей мировой историей путей: она приняла заразу, дабы разоблачить ошибочность Запада, — и в путях коммунизма и в путях обусловливающего коммунизм западного капитализма.

Из изложенного вытекают следующие основные требования, необходимые для преобразования коммунистически-советского государства в государство правды: 1) оно должно будет определить и охранить права человеческой свободы, понимая их неразрывную связь с обязанностями и их жизненное значение для целого; 2) оно должно будет, далее, обеспечить действительное осуществление этой свободы, бороться со всякими ее нарушителями и создать условия для устранения различных социальных препятствий к ее реализации. Тогда только истинная «положительная» свобода свяжется с идеей служения целому и не будет пустым словом, но — воплощенною в жизнь действительностью.

Таковы общие основы, на которых современное советское государство должно быть преобразовано в союз справедливости и правды. Посмотрим теперь, какова должна быть в нем организация власти, которая бы соответствовала указанным задачам и успешно их выполняла.

5. О СТРОЕНИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В основе нынешнего советского государства лежат два принципа, которые сторонникам и идеологам советской власти представляются гармонически примиренными, на самом же деле, в той форме, в какой они существуют, таят в себе глубокое противоречие. Это — принцип пролетарской демократии и принцип пролетарской диктатуры. По взглядам Ленина, пролетарское государство должно управляться большинством рабочих и крестьян, а не каким-либо меньшинством. Про-

летарская демократия есть демократия более полная, проведенная с «наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо». В ней вместо учреждений привилегированного меньшинства, само большинство непосредственно управляет самим собою и государственная власть становится всенародной. В ней все должности образуются из выборных всеобщим избирательным правом депутатов. Такова идея рабочей демократии, как самоуправления трудового народа, который, «если достиг власти, не нуждается ни в какой диктатуре и управляется при помощи свободного проявления своих внутренних сил». Можно, таким образом, заключить, что идея диктатуры в теории пролетарского государства, имеет характер случайный и временный. Диктатура есть средство, «необходимое для подавления буржуазии трудовым народом, и как только подавление это осуществится, диктатура становится ненужной». Было бы, однако, неправильным полагать, что теория диктатуры связана с пролетарским государством только этой наружной связью. Советское государство, в противоположность буржуазной демократии, высшим своим законом считает не «волю народа», но веру в непререкаемую истинность и справедливость коммунистического строя. Если бы трудовой народ путем всеобщего голосования решил отказаться от коммунизма, то идеологи советского государства сказали бы, «что народ не понимает истины и нуждается в особом воспитании и обучении». Если на одну чашу весов положить «народную волю», а на другую — коммунизм, то в советском государстве последний должен перевесить первую. Поэтому, в советском государстве пролетариат — или, по крайней мере, те, кто его олицетворяют, — есть «вождь и учитель», есть диктатор. Пролетариат призван вести народ туда, куда сам он не может или не хочет идти. В последующем изложении мы увидим, что это противоречие между идеей народного самоуправления и идеей принудительного водительства народом, или диктатуры, имеет не только теоретическое значение, но и является основной предпосылкой, из признания которой исходит вся советская политика и на которой построено все здание советского государства.

Советские юристы утверждают, что республику советов лучше всего изучать снизу, а не сверху. Мы последуем этому указанию и начнем изучение структуры советского государства с фундамента, — именно с самих советов, которые составляют первоначальную клетку всей советской системы. Советское государство, в противоположность новейшим европейским демократиям, отправным пунктом своим считает не отдельного активного гражданина, образующего вместе с другими гражданами неорганизованную массу народа; напротив того, советское государство отправляется от первоначальных организованных ячеек граждан, — именно от советов — деревенских, городских, фабрично-заводских. Городские и сельские советы и являются теми первоначальными государственными органами, из которых образуются все остальные органы советского государства. Советская республика отправляется, таким образом, не от голосующего корпуса граж-

дан, как некоторого высшего государственного органа, но от множества территориальных мелких организмов, которые вырабатывают из себя политическое тело республики.

Эти первоначальные организмы об'единяются в свою очередь в последовательный ряд более высших единств, административно-хозяйственного характера, связанных обычно с некоторым территориальным базисом. Для понимания последовательной организации советов в высшие единства, нужно, прежде всего, различать те из них, которые имеют чисто административный характер и не притязают на самостоятельное политическое значение и те, которые являются самостоятельными политическими единицами или советскими республиками. Иными словами, нужно различать между административно-автономными организациями советов и между федеративными частями советского государства. Мы сначала остановимся на первых. Известное количество сельских советов об'единяется в некоторое высшее целое, именуемое волостью. Эту административную единицу советский строй унаследовал от старой России — и не только Петербургской, но и древней, Московской. Создавшаяся, главным образом, в податных целях, в старой Руси волость, осталась в качестве органа местного крестьянского самоуправления после реформ императора Александра Второго. Большевики связали старую волость с советской системой и подвергли ее постепенному преобразованию. В настоящее время почти во всей России волость стала территориально более крупной и получила новое название «района», который по своим территориальным размерам, приблизительно соответствует двум-трем старым волостям. Об'единенные в волости или районы сельские советы вместе с советами городскими, составляют следующую, более крупную советскую единицу — уезд, который в настоящее время пережил общую судьбу перерайонирования и укрупнения и стал называться округом. Наконец, несколько уездов образуют губернию. Губернии, как административные единицы, были образованы в конце XVIII века императрицей Екатериной Великой и существовали почти без всяких значительных изменений до революции 1917 года. Уже в конце XIX века деление России на губернии считали устарелым и, главное, искусственным, не соответствующим хозяйственным интересам страны. Широкий план районирования, проводимый советским правительством, стремится об'единить старые губернии в более крупные административные единицы, образованные по признакам географическим, экономическим и национальным. В результате районирования, губернии превращаются в край или область, — высшую единицу советской административной автономии.

Перейдем теперь к характеристике федеративных частей советского государства. Части эти носят название республик и, отчасти, автономных областей, причем виды республик этих различны и могут быть разбиты на следующие группы. 1) Автономные республики, в некоторых случаях именуемые также автономными областями. Их главным признаком является то, что они не являются непосредственными

частями Союза ССР, но представляют собою только части других, более высших частей советской республики, — именно, республик союзных. Юридическое положение автономных республик определяется тем, что они не принимали непосредственного участия в образовании Союза ССР. Они не были сторонами, заключившими договор об образовании Союза 30 Декабря 1922 года. Как видно из названия этих республик, в основе их лежит национальный принцип. Создание автономных республик было результатом национальной политики советского правительства, — проявлением широко осуществленного в Советской России принципа национального самоопределения. Нужно иметь в виду, что в отличие от известного принципа, выставленного Вильсоном, советское государство признает самоопределение национальностей только при условии признания ими коммунизма и советского политического строя. Некоторые из автономных республик представляют собою весьма обширные территориальные единицы, административно разделенные на области и губернии. Другие автономные республики — сравнительно незначительны и равняются по своей территории одной старой губернии. В таком случае, они делятся на округа и районы. Эти административные части автономных республик иногда имеют название кантонов, напр., в республике немцев Поволжья. — 2) *Союзные республики*, составляющие непосредственные части Союза. В эпоху образования Союза, т. е. в 1922 году, их было шесть — Великороссия, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербейджан. В 1924 году, после окончания размежевания Средней Азии, на территориях бывшей Бухары, Хивы и Туркестана, были образованы две новые республики, — Туркменская и Узбекская. В 1925 году эти республики были приняты в качестве двух новых членов Союза, — и, таким образом, союзных республик стало восемь. Некоторые из союзных республик являются республиками унитарными, как напр., Белорусская республика. В ея пределах нет никаких автономных республик и областей, но она административно разделена, после перерайонирования, на округа и районы. Другие из союзных республик включают в свои пределы автономные части. Так, напр., Украина до 1924 года была чисто унитарной республикой, но в 1924 году в ея пределах была образована автономная Молдавская республика. Наконец, Великороссия состоит из многочисленных автономных республик и областей, отчего она и называется республикой *федеративной*. Такие же автономные республики имеются и в пределах других союзных республик. 3) Самостоятельные об'единения отдельных государств, входящих в Союз Республик. Особенностью советского союза является то, что входящие в него отдельные члены могут в свою очередь федерироваться, что не отражается на их общем отношении к Союзу. Это, так сказать, советская федерация второй ступени. Примером ее является Союз закавказских социалистических республик. Образован он был до заключения союзного договора 1922 года (именно, 12 декабря этого года). По общему смыслу, установление закавказского союза ни в коем слу-

чае не уничтожило суверенитета входящих в него членов — именно Армении, Азербейджана и Грузии. При образовании СССР, договаривающейся стороной выступила не Закавказская федерация в целом, но каждый ее член в отдельности. Содержание того акта, на основании которого была образована Закавказская федерация, не может не убедить, что по первоначальному своему замыслу, она должна была быть образцом весьма свободного междугосударственного об'единения, имеющего в виду установить общие начала совместной хозяйственной и финансовой деятельности.

От описания отдельных членов, из которых составляется политическое целое советского государства, мы перейдем теперь к описанию соответствующих государственных органов. В советском государстве каждому члену целого соответствует определенный орган и даже система органов. Система органов советской республики в ея целом может быть выражена в следующей классификации. 1) Сами советы (сельские и городские), как первоначальные органы республики; 2) Органы, образуемые советами, т. е. различные с'езды советов, которые в свою очередь разделяются на местные, т. е. волостные (районные), уездные, губернские, (окружные, краевые, областные) и на центральные или республиканские (с'езды советов автономных республик и областей, союзных республик и, наконец, самого союза). 3) Органы, образуемые с'ездами советов (исполнительные комитеты, президиумы, советы народных комиссаров). Сельский совет образуется в каждом селении насчитывающем не менее 300 жителей по расчету 1 делегат на 100 человек*). Селения, насчитывающие менее 300 человек жителей, соединяются вместе для образования общаго совета. Городские советы образуются в городах и городских поселениях, а также в фабричных поселках, по особому росписанию, в зависимости от количества народонаселения. В каждой волости (или районе) образуется волостной с'езд советов, из представителей от сельских советов, которые об'единены в волость, по расчету один депутат на 500 жителей. В каждом уезде (округе) образуется окружной с'езд советов, из представителей от сельских советов уезда по расчету 1 депутат на 5000 жителей и из представителей городских советов и советов фабричных поселений в уезде по расчету 1 депутат на 1000 избирателей. И, наконец, в каждой губернии (край, области) образуется губернский с'езд советов. Способ образования его несколько отличается от образования окружного с'езда. Тогда, как городские советы избирают на эти с'езды представителей непосредственно — по расчету 1 депутат на 5000 избирателей, сельские советы непосредственно не участвуют в выборах. Депутаты на губернские с'езды избираются не сельскими советами, но на окружных (уездных) с'ездах советов по расчету 1 депутат на 25.000 жителей. Если губернскому с'езду советов непосредственно предшествует волостной с'езд, а не уездный, то депутаты на губернский с'езд могут

*) В настоящее время эта общая норма заменена особым росписанием пропорций выборов для разных местностей советской республики.

быть избраны и на волостном с'езде. Советы сельские и городские не имеют особых исполнительных комитетов. В них существует председатель, который не есть орган, но простой исполнитель и правитель дел. Но с'езды советов образуют особые органы, которые называются «исполнительными». Это — волостные, уездные, губернские, (районные, окружные, областные) «исполкомы». Применяя это название, нужно предостеречь от недоразумения. Исполнительной власти в смысле европейской конституционной доктрины, в советской республике нет. Мы увидим впоследствии, что отношение исполнительного комитета к с'езду советов не строится по принципам распределения финкций и их специализации.

В основе советской государственной системы лежит одна и та же широко проведенная схема. Схема эта повторяется и при организации местного управления и при организации управления центрального, республиканского. Высшими центральными органами являются также с'езды советов — автономных республик, союзных республик, Союза ССР. Выборы на эти с'езды приурочены к органам местным. В каждый из республиканских с'ездов посылают депутатов, прежде всего, городские советы непосредственно, по расчету 1 депутат на 25000 избирателей, а затем, губернские и областные с'езды советов, по расчету 1 депутат на 125.000 жителей. В тех же республиках, в которых нет губерний, избирательными правами пользуются, кроме городских советов, те высшие территориальные единицы, на которые разделены республики — причем при небольшом количестве населения и нормы представительства могут меняться.

Республиканские с'езды советов избирают органы с'ездов в общем по системе, сходной с системой избрания местных органов, но несколько более сложной. И именно, с'езд советов избирает свой исполнительный комитет, называемый «центральным», а этот последний избирает в свою очередь два исполнительных органа—Президиум ЦИК'а и совет народных комиссаров. Таким образом, автономные и союзные республики имеют двуглавое возглавление. На вершине их стоит, в противоположность местным органам, не одна, а две коллегии, — если можно так сказать, два многоличных консула. Республики, входящие в Союз ССР, являются, таким образом, республиками коллегиальными, однако, возглавляющие их коллегии, как мы убедимся впоследствии, одинаково отличны и от швейцарского союзного совета и от тех ответственных парламентских кабинетов, которые возглавляют, например, республики, входящие в современное германское государство.

Несколько особое устройство имеет центральный комитет Союза ССР. Он является органом не только союзного с'езда советов, но и представительством с'ездов советов союзных и автономных республик, а также и автономных областей. В связи с этим, он разделяется на две палаты — на Союзный Совет и на Совет Национальностей. Союзный Совет избирается союзным с'ездом советов из представителей союзных республик пропорционально населению каждой, в количестве определяемом с'ездами советов Союза. Совет же национальностей образуется

из представителей союзных и автономных республик по 5 представителей от каждой и из представителей автономных областей по 1 представителю от каждой. *)

Мы видим здесь как бы осуществление обычного в федеральных странах принципа двухпалатности, причем одна палата призвана представлять всю нацию, другая же должна выражать федеративное начало в государстве. Принцип этот, впервые введенный в Соединенных Штатах Северной Америки, был заимствован и советским государством при составлении союзной конституции. Однако, нужно всегда иметь в виду те существенные особенности, которые отличают советскую двухпалатную систему от других, ей подобных. 1) Союзный совет отличается от нижней палаты американскаго конгресса тем, что он является органом посредственным, избранным другим органом, а не самими избирателями, — именно с'ездом советов. 2) Союзный совет и совет национальностей отнюдь не представляют собою двух самостоятельных палат. Они являются двумя отделами союзного исполнительного комитета. Хотя и две палаты, по современной конституционной теории, представляют собою один парламент, однако, обе палаты в европейской их форме, гораздо более разделены друг от друга, чем эти отделы исполнительного комитета. Соотношение палат определяется принципом равновесия, смысл их лежит в их балансирующих функциях, о которых учит теория Монтескье. Советская система враждебна к теории разделения властей, ей чужда теория балансирования, поэтому и соотношение двух палат центрального комитета иное. Достаточно сказать, что палаты эти могут заседать и обычно заседают вместе, хотя и голосуют врозь. Раздельные заседания суть далеко не правило. В случае расхождения в голосовании, обычна практика согласительных комиссий, которые вырабатывают общее решение.

Органы, возглавляющие союз, те же самые, что и органы, возглавляющие союзные и автономные республики, т. е. Президиум ЦИК'а Союза и Совет Народных Комиссаров. Они избираются на совместном заседании обоих отделов союзного ЦИК'а. Эти два органа заменяют в советском государстве Президента республики и кабинет министров, придавая возглавлениям союза также двуглавый характер.

Такова общая структура местных и центральных органов советского государства. Как видно, она вся построена на избирательном начале. В этом смысле ее нельзя назвать антидемократической. Если взять ее в отвлеченности, не имея в виду фактически существующих в советском государстве отношений, то советский строй приходится характеризовать, как опосредствованную демократию. Отличие ее от буржуазных демократий заключается в следующем: 1) выборы в советы должны происходить, по советской теории, весьма часто (раз в год по советской конституции). Это — принцип текучести властных отношений, выставленный и защищаемый Лениным. Депутаты должны, так сказать, не засиживаться на своих местах, не считать себя какими-то

*) Соответствующие нормы содержатся не в основном тексте конституции СССР, а в постановлениях 3-го С'езда Советов Союза ССР, «Собрание законов и распоряжений» 1925, No 35, статья 224.

постоянными господами и правителями. 2) Избранные депутаты являются связанными с своими избирателями и постоянно ответственными перед ними. В принципе советские депутаты не обладают какими-то особыми преимуществами, хотя советская практическая политика и не вполне выдержала этот принцип, поставив депутатов высших учреждений советской республики (членов республиканских и союзных ЦИК'ов) в особое положение безответственности и неприкосновенности. Кроме того, избиратели могут снабжать депутатов мандатами и могут их в любое время отзывать. Отчет депутатов перед избирателями является также постоянным требованием советской системы.

В этих двух особенностях отнюдь нет чего-либо противоречащего началам демократий буржуазных. Напротив, и возможное сокращение срока депутатских полномочий, и организация ответственности, и подконтрольность депутатов — все это давно было уже выставлено, как требования западной демократической политики. Советская демократия в этом смысле является продолжательницей западной.

Если посмотреть на советское государство с внешней стороны, то оно представляется нам политическим целым, живущим на основании широкой административной и политической автономии. Так его и рисуют иногда поверхностные наблюдатели, которые знакомы или с торжественно декларированными конституционными текстами или же видели советскую жизнь из окна вагона. В советском праве имеется постоянно повторяющаяся норма, согласно которой, каждый совет и каждый с'езд советов являются в пределах предоставленной ему компетенции высшей властью на соответствующей территории села, волости, уезда, губернии, области, республики и т. д. Получается впечатление, что каждый элемент советского государства обладает полным правом самоопределения. Самоопределяются и самоуправляются села, города, волости, уезды, губернии и республики. Вот это-то впечатление нуждается в значительном исправлении. В действительности, в советском государстве имеется не самоуправление, а, если угодно, децентрализация, однако, децентрализация *чисто административная*. С другой стороны, административная децентрализация не только не исключает своеобразного централизма, но необходимо предполагает крепчайшую связь с центром, без которой действие единого административного аппарата совершенно невозможно.

Для того, чтобы уяснить эту важнейшую сторону жизни советского государства, следует отправляться от той стороны советского строя, о которй мы уже вскользь упоминали. Советская политическая система принципиально отрицает всякое разделение властей и всякую специализацию функций. Если каждая часть советского государства является, в пределах своей компетенции, высшей властью в своей территории, то в то же время, у каждой части нет ровно никакой твердо определенной и гарантированной компетенции. На самом деле, если начать сверху, с характеристики компетенции самого союза, то достаточно прочесть текст статьи 1 союзной конституции, чтобы убедиться, что нет такого вопроса государственной жизни, в котором не был бы

компетентен союз. Международные отношения, изменение границ союза и входящих в него республик, об'явление войны и заключение мира, заключение займов, как союзом, так и союзными республиками, ратификация международных договоров, руководство внешней и внутренней торговлей, установление общего плана всего народного хозяйства, руководство транспортным и почтово-телеграфным делом, организация вооруженных сил, утверждение единого бюджета, установление налогов не только союзных, но и разрешение налогов на образование бюджетов союзных республик, установление денежной системы, установление общих начал землеустройства и землепользования, установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданское и уголовное законодательство, установление основных законов о труде, установление общих начал в области народного просвещения, установление общих мер в области народного здравия, установлени мер и весов, организация статистики, законодательство в отношении прав иностранцев, права амнистии, разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками, — такова широчайшая компетенция Союза. Можно спросить: да что же не входит в область ведения Союза? И приходится ответить: все входит, нет такого государственного вопроса, в котором бы, в порядке законодательства и в порядке управления, не были компетентны верховные органы Союза. Советская федерация устроена не так, что выделен ряд вопросов, подлежащих ведению образующих союз союзных и автономных республик. Нет, союз может все, — однако, можно сказать, что и республики могут много. И замечательно, что такая система проведена в советском государстве с верхов до низов. Совершенно такие же отношения наблюдаются и в местном административном аппарате: компетенция, напр., губернских исполнительных комитетов почти-что равна компетенции уездных исполнительных комитетов. По крайней мере, советское писанное право стремится их уравнять, поскольку это вообще мыслимо. А идеологи советской политической системы с особым ударением указывают на то, что советское государство не знает разделения компетенции ни между органами центральными, ни между органами местными.

Особенно заслуживает внимания то обстоятельство, что советская система отрицает необходимость разделения компетенции не только между с'ездами советов, как верховными органами территориальных единств, составляющих республику, — но отрицание это идет еще далее: оно распространяется и на отношения между с'ездами советов и теми *исполнительными* органами, которые избираются с'ездами. Любой исполнительный комитет, начиная с центрального исполнительного комитета Союза и кончая исполнительным комитетом волости, обладает той же компетенцией, что и самый избравший его с'езд советов. Советские конституционные нормы не проводят твердых различий между предметами ведения с'ездов советов и предметами ведения их исполнительных комитетов. Права тех и других излагаются зачастую в одном и том же параграфе и совершенно совпадают. В этом смысле

советское государство не знает, строго говоря, того, что называется исполнительной властью. «Исполнительный» комитет называется так не потому, что он должен нечто «исполнять», должен осуществлять чьи-то высшие предначертания. Исполнительный комитет в промежутки между сессиями с'езда советов, исполняет *все* функции этого последнего. Мы говорим о принципе *замещения*, который столь характерен для советского государства. Любой Исполнительный комитет *вполне* замещает с'езд советов, но, в свою очередь, избранный комитетом его Президиум *вполне* замещает комитет. Если Исполнительный комитет выбирает другой «исполнительный» орган, совет народных комиссаров, например, то тогда этот последний также становится заместителем комитета, и права замещения делятся между ним и Президиумом. Такой порядок отношения между органами незнаком правовому государству нового времени. Если искать сравнений, то нужно обратиться к учреждениям абсолютной монархии. Так, например, сенат, учрежденный Петром Великим, всецело замещал монарха на время его отсутствия. Повидимому, старый Верховный Совет в Пруссии, также замещал главу прусского княжества на время его отсутствия, причем отношение между заместителем и замещаемым было построено не на специализации функций, но на переносе всей компетенции с одного на другого, при известных условиях и в известные периоды времени.

Но в то же время, каждый вышестоящий орган в советской системе, каждый вышестоящий с'езд советов, каждый исполнительный комитет, каждый Президиум — обладает полной властью надзора за деятельностью нижестоящих органов. И это есть не только надзор *исправления*, т. е. право отмены актов нижестоящих органов, это есть надзор *политический*, т. е. право выносить руководящие постановления для низших органов. Все постановления с'ездов советов и их исполнительных комитетов могут быть отменяемы вышестоящими с'ездами советов и их исполнительными комитетами; в то же время все вышестоящие с'езды, исполнительные комитеты, их Президиумы и советы народных комиссаров могут давать непосредственные предписания всем нижестоящим исполнительным комитетам и их президиумам. Получаются чрезвычайно оригинальные отношения, придающие структуре государства довольно необычный характер.

При первом взгляде на целое советской республики, остается неизгладимое, как мы сказали, впечатление, что построена она на основе широчайшего самоуправления и автономии. Самоуправляются села, города, волости, уезды, губернии, автономные республики, союзные республики. При ближайшем же рассмотрении, оказывается, что впечатление это ложно. Никакого «самоуправления», в обычном смысле этого слова, в советском государстве нет. И это не только наше мнение, — это может быть засвидетельствовано словами самих советских политиков. «У нас», заявил Калинин, «советские учреждения не воплощают в себе принципов самоуправления.... Наш совет — это частица верховной

власти, которая полностью олицетворяется в общесоюзном с'езде советов и даже в волостном с'езде советов. И даже сельский совет, по существу говоря, имеет все права всесоюзного с'езда, но на своей территории». Таким образом, в советском государстве нет различия между управлением и самоуправлением. Самоуправления никакого нет, но зато есть широко проведенная чисто *административная децентрализация*. По сравнению с царской Россией, правительственный аппарат — сильно децентрализован; государство управляется не из столицы, но созданы мощные центры власти на местах. Раньше в каждом уезде существовали мало самостоятельные представители центральной власти и — наряду с ними — местное земское самоуправление, носившее сословный характер и находившееся под сильным контролем губернских властей. Также и в губернии существовало губернское земство, подконтрольное губернатору и другим губернским учреждениям — отделам Петербургских ведомств. Нити управления сходились в конце концов в министерствах, в Петербурге. Теперь нет никакого самоуправления, зато в каждом уезде имеется весьма *сильная* власть, носителями которой являются местные органы советов. Еще более сильная власть имеется и в каждой губернии. Достаточно сказать, что губернский исполнительный комитет может в некоторых случаях об'явить губернию на военном положении. Он имеет право пользоваться помощью вооруженной силы, — армии и милиции. Он имеет право производить аресты, налагать штрафы, издавать обязательные постановления и т. п. Права его более широки, чем права Президента Германской республики, предоставленные ему ст. 48 Веймарской конституции. Права уездных органов советов не так широки, как губернских, но все же чрезвычайно значительны. Таким образом, в каждом губернском и уездном городе имеются мощные центры власти в лице местных органов. Но существуют еще многочисленные республиканские власти, — органы автономных и союзных республик, также чрезвычайно мощные. Власть *«деконцентрирована»* в советском государстве; проведена система децентрализации, однако, чисто, как мы сказали, административной. Центры власти этой находятся под надзором центральных органов — и, в частности, под надзором самого Союза, верховные органы которого не ограничены в пределах своей компетенции. Децентрализация совмещается, таким образом, с централизмом, как это всегда бывает, когда мы имеем дело не с системой автономии, но с правительственным, отчасти бюрократическим децентрализмом. Последний не может существовать без связи с центром, которая разрывается только тогда, когда административная децентрализация переходит в автономию, в систему свободного самоуправления, которой в современной России нет.

Представляется интересным вопрос, кто же при такой государственной структуре является действительным носителем власти в советской республике? Какие органы существуют более или менее номинально и какие, действительно, властвуют? Ответ на этот вопрос предопределен всем предшествующим изложением. Совершенно ясно, что в со-

ветской системе реально властвует тот орган, который имеет более длительное существование. В советском государстве имеются различные с'езды советов, которые собираются по конституционным правилам, раз в год, а фактически — гораздо реже. С'езды представляют собою большие торжественные собрания, насчитывающие иногда 2000—3000 делегатов. Заседают они несколько дней, постоянной работы не ведут, заслушивают доклады и составляют резолюции. И так все с'езды, начиная с союзного и кончая волостным. Ясно, что фактическая власть принадлежит не этим с'ездам. Республиканские с'езды советов избирают свои центральные комитеты, которые по конституции собираются 2-3 раза в год. На сессиях этих делается кое-какая законодательная работа, имеющая, впрочем, характер не обсуждения законов, но *принятия* уже выработанных заранее текстов законопроэктов. Мы видели, что компетенция ЦИК'ов равна компетенции с'ездов советов, — и ясно, что, собираясь чаще, ЦИК'и имеют большую фактическую возможность использовать эту компетенцию, чем с'езды советов. И ЦИК'и фактически властвовали бы в советском государстве, если бы они не собирались сравнительно редко и если бы они не передавали свою власть избираемым ими Президиумам и Советам народных комиссаров. Так как Президиум ЦИК'а имеет в промежутки между сессиями последнего такую же власть, что и сам ЦИК, то ясно, что Президиум, как заседающий *постоянно*, имеет фактическую возможность проявить свою власть более, чем сам ЦИК. В конце концов, в советском механизме истинно деятельными агентами и являются Президиумы ЦИК'ов и существующие наряду с ними Советы народных комиссаров. Они и суть те части государственной машины, которые приводят ее в действие. С'езды советов и сессии республиканских ЦИК'ов имеют значение более декоративное. Они украшают организм Советской республики, а не дают ему силу и жизнь.

Если взять органы местные, то такую же роль здесь играют губернские и уездные ЦИК'и и их Президиумы. ЦИК'и эти собираются ежемесячно, иногда даже два раза в месяц, тогда как губернские и уездные с'езды советов, созываются толь раз в год. Ясно, что при отсутствии разделения компетенции, фактическая власть на местах принадлежит исполнительным комитетам и их Президиумам, а не с'ездам.

Одним словом, ту власть, которую западная конституционная теория стремилась лишить всякой самостоятельности, превратив в чистую «исполнительницу» чужой воли, советское государство наделяет наибольшей полнотой свободных проявлений. «Исполнительная власть да подчинится законодательной» — такова основная норма западного конституционализма. «Исполнительный комитет да будет наиболее сильной властью во всех сферах, даже в делах законодательства» — таков принцип советского государственного строя. В означенном смысле можно сказать, что между западным правовым государством и государством советов, в его теперешней структуре, лежит громадная пропасть.

Такова та положительная правовая, конституционная форма, ко-

торой обладает советское государство. Однако, для познания реальной природы советской республики, всегда нужно помнить, что за названной формой лежит еще некоторое скрытое, в оффициальных конституционных текстах не упоминаемое содержание. Действительно, в советском государстве правят те небольшие коллегии, которые возглавляют органы советов, — и вместе с тем коллегии эти по составу своему являются как бы оффициальными отделами коммунистической партии. Нельзя быть в современном советском государстве членом правительства и не состоять в коммунистической партии. Партия и есть та неоффициальная организация, которая формирует советское правительство и производит неоффициальное назначение в его высшие коллегии. Но партия, как организованное целое, имеет в свою очередь свои органы, как-то: партийный С'езд, партийный центральный исполнительный комитет, партийные бюро, избираемые партией и т. д. Вот эти то органы и являются неоффициальным правительством в современной России. Оффициальные государственные органы суть простые орудия в руках неоффициальных. Здесь и проявляется со всей силой тот принцип диктатуры, который фактически господствует сейчас в советской России и который отодвигает на второй план начало советской демократии.

Надо сказать, что за последнее время, когда в среде партии обнаружились разногласия, особо ярко стала чувствоваться ее роль, как правительницы России. Из опасения вынести разногласия на более широкую трибуну, коммунисты последнее время были принуждены по возможности оттягивать созвание Союзного С'езда Советов и сессии Исполнительного Комитета. Последний (четвертый) С'езд Советов был созван в 1925 году. В течение всего 1926 г. С'езд Советов совсем созван не был. Созвание пятого С'езда отложено до весны 1927 года. Союзный ЦИК в 1926 году имел только две сессии, а по конституции, он должен был собраться три раза. Также запоздали С'езд Советов и сессии ЦИК'а в РСФСР и других союзных республиках. Кто следит за советской прессой, тот не может отделаться от впечатления, что деятельность оффициальных органов ныне сошла на второй план. Ей более уже не посвящаются широковещательные отчеты газет. Зато в центре внимания стоят отчеты С'ездов, конференций, Пленумов и т. п. коммунистической партии. С'езды эти превратились в настоящий советский парламент. Неоффициальные органы фактически заступили место органов оффициальных.

6. О НЕКОТОРЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ И НЕДОСТАТКАХ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

Советскую систему достаточно подвергали критике, причем главным образом, не со стороны ее основных начал, а со стороны ее отдельных проявлений. Отожествляя политику коммунистов с советской системой, ставили последней в упрек все то, в чем видели отрицательные

стороны первой. А так как политика правящей ныне в Росси партии, действительно, не находит оправдания, то, погребая ее критикой, тем самым хоронили и советскую систему. В советской системе не видели ничего иного, как чрезвычайки, террора, безудержного произвола, отсутствие всякой правомерности, пренебрежение к закону и т. п. Мы менее всего хотим сказать, что критика коммунистической политики была незаслужена. Мы выставляем только мысль, что за время владычества коммунистической партии в России, силою вещей выкристаллизовались некоторые политические формы. Менее всего основательно полагать, что в формах этих, которые все же нужно назвать в известном пределе *стабилизированными,* не было ничего, что не вытекало бы из законов социальной необходимости. Коммунисты во многом *принуждены были* поступать так, как поступила бы каждая партия, очутившаяся длительно у власти в период острого революционного процесса. Кроме того, всего более несправедливо становиться на марксистскую позицию и в политических формах советского государства не усматривать ничего, кроме отношений насилия. Политическая форма всегда имеет собственное содержание, собственный смысл, который и должен быть вскрытым наукой. Мы предполагаем поэтому относиться к советской системе не по марксистки, и не с точки зрения политической публицистики. Мы имеем в виду вскрыть, что в политической форме советов выяснилось, как положительное, и что должно быть признано отрицательным. Причем дело идет о преимуществах и недостатках первоначальных, органических, а не производных, более или менее случайных, которые вытекают не столько из самой системы, сколько из ее искажения.

Чтобы понять нашу точку зрения, мы позволим себе прибегнуть к следующей предположительной возможности. В России образуется группа, котрая приходит к убеждению в ошибочности основных предпосылок марксистской теории государства. Группа эта становится на точку зрения, изложенную нами в первых главах этой книги: она приходит к убеждению, что совершенство общественной организации зависит не от классовой политики, а от усвоения и проведения в жизнь принципов личного совершенствования; она проникается взглядом, что государство есть не союз борьбы, но союз мира; и в то же время, она не хочет отказаться от истинно русского стремления построить государство, как союз правды; она разочаровывается в принципах коммунизма и стремится найти эту «правду» иными, не коммунистическими путями. Вот такая то предположительная группа стоит перед фактом советского государства, — перед фактом, с которым она свыклась и в построении котораго она сама, быть может, принимала участие. Что же предстоит такой группе? Разрушить построенное до основания, или отнестись к нему, как инженер к несовершенному и не вполне оконченному проэкту: т. е. постараться поправить ошибки и усовершенствовать недостатки?

Мы стоим перед советской системой, как перед таким несовершен-

ным и неоконченным аппаратом. Чтобы сразу его не выбросить, как никуда негодный, приходится начать с его некоторых преимуществ. Причем мы увидим, что преимущества эти тотчас же открывают и свойственные советскому государству недостатки, так что резко отделять их в последующем нам не придется.

1. Советское государство есть прежде всего государство *с сильной* властью. Как бы мы не расходились в определении будущего политического строя России, мы не можем не признать, что в ней возможен только политический строй, обладающий такой сильной властью. Сказанное обуславливается тем, что Россия не успокоилась еще от революционных бурь, и тем, что Россия искони привыкла к сильной государственной власти, и тем, что по громадным размерам своим она может быть связана и удержана только сильной властью. «Сила» власти советского государства покоится на двух основах, из которых одна лежит в самой технике советской организации, другая — в связанной с советским строем идее диктатуры. Мы разберем их по порядку.

а) Власть в советском государстве делает «сильной» то обстоятельство, что в советском организме функции управления обладают значительной свободой и не связаны теми «рогатками», которые им ставит народное представительство. С этой своей стороны советская система есть полная противоположность системе западного парламентаризма. В то время как при парламентаризме народное представительство в любой момент способно привести правительственную власть в состояние колебания, в силу чего в западных демократиях правительственная власть находится в состоянии постоянного кризиса, — в советской системе все правительственные органы, начиная с местных и кончая центральными, выбраны на срок, обладают громадной компетенцией и совершенно устойчивы. Норма, лежащая в основе устройства правительственной власти в советском государстве, такова: правительство обладает теми же правами, что и народные депутаты, но должно отчитываться перед ними во всех своих действиях, кроме того каждый акт любого правительственного органа может быть отменен высшим органом и приостановлен в некоторых случаях органами, стоящими на одной ступени правительственной иерархии и даже низшими. Советская система с этой стороны скорее похожа на швейцарский тип организации правительственной власти, который построен чисто демократически, пронизан началом подконтрольности и ответственности, но чужд началам парламентаризма. Советские исполнительные комитеты, это — полномочные комиссии народного представительства, так сказать, «депутаты депутатов». И потому они и обладают в значительной степени теми же правами, что и сами депутаты. Связь правительства с народным представительством должна устанавливаться тем, что во время сессий с'ездов народных представителей устанавливаются те общие нормы политики, которые правительство и обязано осуществлять и проводить в жизнь. Каждая последующая сессия должна поверять, что сделало правительство за вакантный период, — и в зависимости от этого,

каждому отдельному члену правительства выносится одобрение и неодобрение. Идеи конкурренции народного представительства и правительственной власти здесь совсем нет, отношение между ними строится по началу преемства и солидарности. Если взять все эти отношения отвлеченно, вне той практики, которая существует у коммунистов, то в них имеется большое количество преимуществ. Они дают правительству значительный простор, не освобождая от ответственности, придают ему устойчивость, делают сильным. По идее, таким образом, такая организация весьма удобна и очень подходяща для русских условий. То обычное возражение, что у коммунистов на практике эти идеи не осуществляются или искажаются, отнюдь не отвергают самого смысла изучаемых нами институтов. Повторяем, испортить и исказить можно все, даже самое совершенное. Но в то же время подобная система отношений — между народным правительством и правительственными органами, обнаруживает удобства только в том случае, если ее освободить от некоторых несомненных недостатков, которыми она страдает в современном советском строе. Теоретики советского государства хотели построить его так, чтобы в нем не было никакого *«разделения власти»* и никакой специализации функций. Вместо такой специализации в писанном советском праве был признан принцип *«замещения»:* именно, каждый нижестоящий орган вполне должен замещать в промежутки между сессиями каждый вышестоящий орган. Так, Центральные комитеты замещают С'езды Советов, Президиумы и Советы народных комиссаров замещают центральные исполнительные комитеты. Однако, это было принято только в писанном праве, да и то не последовательно и в ранний период жизни советского государства. Практика показала, что такая система не осуществима. Пришлось принять принцип специализации функций, хотя бы в мягком истолковании. Уже первоначальные тексты советских конституций распределяли до известной степени функции между органами, когда считали, что правом пересмотра советской конституции (учредительными функциями) обладает только С'езд Советов. В то же время Совет народных комиссаров даже в первоначальных конституционных опытах обладал преимущественно властью исполнительной. С последующей практикой выяснилось, что преимущественно законодательными органами являются Центральные Исполнительные комитеты, — которые как бы должны играть в советском государстве роль парламентов.

Однако, все названные изменения, нашедшие отголосок и в писанном праве, носят далеко не принципиальный характер. Коммунистическая теория советского государства не может усвоить мысли, что *крайнее* проведение системы заступления одного органа другим равносильно законодательной анархии. При такой системе в государстве нет идеи строгой законности, так как любой орган может издать или отменить постановление первостепенной юридической важности. При такой системе, возведенной в принцип, нет никакой необходимости, чтобы основные государственные законы изменялись на С'ездах Советов, а дру-

гие важные законодательные постановления на сессиях центральных исполнительных комитетов. Изменить конституцию может, пожалуй, и такой исполнительный орган, как совет народных комиссаров, — и даже, пожалуй, какой нибудь губернский или уездный исполком. Нелепость такой системы очевидна, хотя советская практика и дает примеры проведения такой нелепости в жизнь. Вопреки, например, основным законам, советская конституция десятки раз изменялась не С'ездами Советов, а постановлениями других органов, уже не говоря о том, что важнейшие законы издавались иногда совершенно некомпетентными властями. *Из всего изложенного следует, что для упрочения в государстве порядка и законности — а оно придет неизбежно, хотя и не может придти чрез коммунистов — следует принципиально ограничить принцип «заступления», не отменяя его,* однако, в виду его некоторых, вышеуказанных преимуществ. Задачу эту можно решить при помощи следующей довольно простой формулы: *нижестоящий орган может заступать вышестоящий во всех вопросах, за исключением тех, которые исключительно входят в компетенцию вышестоящего органа.* Применяя эту формулу к советской конституции, придется переделать ее отдельные постновления в том смысле, чтобы для каждого государственного органа был точно очерчен круг вопросов, разрешение коих входит в его специальность. Круг этот не должен быть широким, но в то же время должен замыкаться известными принципами, определяющими специальность каждого органа. Иными словами, должен быть решительно откинут тот основной советский принцип, согласно которому, все вопросы входящие в область ведения вышестоящаго органа, входили и в область компетенции низшого.

Если это будет выполнено, тогда начало заступления лишится всех своих недостатков, но и сохранит все свои преимущества. Не будет той непомерной гипертрофии функций исполнительных комитетов, при чрезвычайной бедности ведения С'ездов. В государство органически войдут начала законности и порядка, и в то же время правительственная власть сохранит свою силу.

Иногда указывают, что система заступления совместима только с режимом однопартийности, так как при нескольких политических партиях, она бы привела к столкновению отдельных органов и к полной государственной анархии. Указание это вполне справедливо, пока мы имеем дело с началом заступления в его исключительной форме. Если же ограничить его, как здесь предлагается, то возражение само собою отпадает. Каждый нижестоящий орган, даже будучи другого партийного состава, все же будет связанным специальными постановлениями вышестоящего органа. Конфликт между ними может разрешиться сложением депутатких полномочий нижестоящим органом и не будет приводить к государственной анархии, при которой каждый орган творит собственную волю, отменяя постановления вышестоящих органов. Впрочем, многопартийная система есть такое зло, с которым нормальное государство должно бороться.

б) Власть в советском государстве является сильной властью потому, что она находится в руках одной партии, которая действует, как единоличный диктатор. В идее диктатуры, взятой вне отношения к коммунизму и к классовой теории государства, таится одна, совершенно справедливая и весьма важная для политика мысль. Справедливо то, что во всяком государстве, какое когда либо существовало в истории, и которое когда либо будет существовать, всегда был и всегда будет некоторый естественно создающийся правящий отбор, или некоторая *правящая группа*, несущая на плечах своих бремя государственной власти. Исторически группа эта по большей части состояла из *интеллигенции* данного народа, иногда воплощавшей в себе все, что в народе было лучшего, иногда же и не отличающейся особыми доблестями и талантами. В зависимости от сказанного и государства были хорошими или дурными: где правящая группа была достойна своего призвания, там она мудро вела государство; где нет — там государство прозябало и впадало в постоянные бедствия. В этом смысле можно утверждать, что диктатура неотделима от государства, как реального явления общественной жизни. Реально государство невозможно, если в нем правящей группы нет.

Всевозможные государственные формы можно, в зависимости от характера деятельности правящей группы, разделить на правильные и неправильные, — на республики (в широком смысле этого слова: res publica, общее дело) и на *деспотии*. Там, где правящая группа честно и преданно выполняла свое назначение и была носительницей идеалов государственной солидарности, идеалов социального мира, — там мы имее дело с правильными формами государства, независимо от того, назывались ли они республиками или монархиями. Там же, где правящая группа стремилась проводить свою ошибочную и потому не соответствующую народным стремлениям идеологию, (как коммунисты в России проводят теперь свою) либо преследовала свои корыстные интересы или была на службе корыстных интересов какого либо класса или какой либо партии, — там мы имеем дело с формами деспотическими. Нужно всегда помнить, что существовали государства, носившие имя республик и деспотизмом своим превосхдящие власть единого тирана; и были деспотические демократии, не уступающие своими произволами произволу абсолютного монарха. Качество государства зависит не от внешних его форм и не от названий, а от внутренних отношений правящих к управляемым. Государство хорошо, когда управляется на началах социального служения и жертвенности, плохо, когда оно управляется на начале личной пользы властвующих.

Из сказанного следует, что наличность правящей *группы* в советском государстве не только не является чем либо для государственной жизни необычным, но и составляет *необходимое условие всякого государственного бытия*. Однако, правящая группа в советском государстве отличается совсем особыми качествами, которые в значительной степени искажают ее назначение и не обезпечивают ни начал спра-

ведливости и права, ни требований, которым соответствуют правильные формы государственного устройства. Прежде всего эта правящая группа является *партией* и *партией* себя именует: она возникла в свое время в качестве одной из партий многопартийного государства, и, захватив власть, сохранила всю свою партийную ограниченность и односторонность. *Партия* (от слова pars) всегда есть *часть* государства, предполагает, что существуют другие части, другие партии и не может поставить себя на место целого. Ведь в том и существо партийной идеологии, что она частична, ограничена и не может не быть утопическою, если ее не ограничивают другие такие же односторонние частичные или партийные идеологии. Партия, которая упразднила другие партии, и об'явила себя целым государством, в сущности, уже перестала быть партией и не может носить имя партии. А это, именно и случилось в советском государстве, где коммунистическая партия превратилась в единственную, но осталась по природе своей ограниченною партиею с узкою и утопическою идеологией, вред которой ослаблялся ранее лишь существованием других идеологий и отсутствием реальной силы. Поэтому то она и превратилась как бы в особое государство в государстве, где, как мы видели, существуют два правительства, — оффициальное и неоффициальное. И в конце концов, никто не знает, что же истинно правит, — органы ли государства, перечисленные в конституциях, или Политбюро и ЦК коммунистической партии. Далее, стремление всякой политической партии сводится к тому, чтобы захватить в государстве власть, вырвать ее из рук других партий и, в течение периода своего правления, сделать государство об'ектом для применения своей *партийной* программы. Выходит, что не партия существует для государства, а государство для партии, — и это есть одна из самых отрицательных строн партийного режима.

Демократический строй европейских государств делает выносимым и терпимым партийный режим, благодаря той поправке, что партия ограничивается другими партиями, получает власть на срок и зависит, в конце концов, от народного голосования. В России поправка эта уничтожена была в тот момент, когда коммунисты, оставаясь одною из партий, загнали в подполье все другие партии. Партийный режим стал, таким образом, *бессрочным*, и Россия на неопределенное время отдана во власть коммунистического опыта. Это обнаруживает всю нежизненность партийного режима на европейский образец и *делает его невыносимым и нестерпимым*. Кроме всего этого, коммунистическая партия, как мы видели, покрывает еще себя именем рабочего класса, диктатуру которого она будто бы проводит. Но, если бы даже действительно коммунистическая партия проводила диктатуру рабочих, а не свою диктатуру, то и тогда бы нельзя было причислить современное советское государство к правильным формам государственного устройства. Там, где класс правит в *своем интересе*, там он становится настоящим деспотом. Известное утверждение, что интересы рабочего класса совпадают с интересами всего народа, и что поэтому пролетарская

диктатура не есть деспотия, является простой, лишенной серьезного значения отговоркой. Серьезно никак нельзя утверждать, что, например, интересы городского рабочего и крестьянина всегда совпадают, хотя крестьянин принадлежит к тому же «народу», что и рабочий. И если рабочая диктатура властвует только по своим классовым интересам, она постоянно может впадать в конфликт с деревней и может обратиться в чистую деспотию над деревней. Если же рабочая диктатура преследует «общие» рабоче-крестьянские интересы, то тем самым она перестает быть классовой. Она кладет на плечи свои те «нейтральные» функции, которые призвана нести каждая правильно построенная государственная власть. Однако, в советском государстве фактически вовсе не властвует рабочий класс, а деклассированная интеллигенция очень разнообразного национального состава, об'явившая себя хранительницей интересов пролетариата. Эгоистическая и себялюбивая диктатура такой интеллигенции еще хуже, чем диктатура класса, ибо она вырождается в диктатуру наихудшей бюрократии.

Существование советской правящей группы в изображенных нами свойствах, т. е. постольку, поскольку она является партией в европейском смысле и притом с ложною и вредною коммунистической идеологией, совершенно несовместимо с каким либо нормальным государственным порядком. Чтобы правящая группа советского государства стала действительно социальной его опорой, для этого ей необходимо утратить характер политической партии в современном и европейском смысле этого слова. Из партии, единственное стремление которой сводится к временному или длительному захвату власти и притом, при нормальных условиях, умеряемому давлением других партий, она должна превратиться *в союз лиц, согласных служить государству*, защищать его интересы и помогать его целям. Всякая партия притязает на власть, а этот союз, о котором мы говорили, должен притязать на жертву. В старых монархиях существовали люди, именующие себя государевыми слугами, — теперь должны быть *слуги Государства*. Цели группы — не в организации камарильи, а в *организации* людей, способных нести государственную работу и в предоставлении таких людей в помощь действительному правительству. Группу эту поэтому следует называть «правящей» преимущественно потому, что она составляет социальный фундамент государственной власти, подготовляет и дает людей, которые могут править. Править же в государстве должны те официальные органы, которые по конституции несут власть. Названная группа не замещает государства, но подготовляет пригодный государственный материал, развивает самодеятельность народа, способствует проявлению политической инициативы и тем самым посредственно двигает государством. Но вместе с тем она сама должна являться мощною дисциплинированною оранизациею, не остающеюся только на поверхности общества ввиде образованного класса, а проникать и до низов его. Само собою разумеется, что такая группа должна быть хранительницей нейтральных задач государства и, следовательно, она не

может иметь классовую окраску. Не класс, а народ в целом, нация, с ее политическими идеалами, с ее пониманием политической правды — вот, кого должна эта группа представлять. Отсюда видно, чем группа эта должна отличаться от ныне правящей в России коммунистической партии. Прежде всего, это — национальная группа, вдохновленная солидарными интересами всего общественного целого; затем это — группа, составленная по чисто внутренним государственно-идеологическим и моральным признакам, — группа тех, которые хотят и умеют быть нравственно лучшими. Принцип такой группы — не внешняя принадлежность к классу, но чисто корпоративная идея чести, честности, ответственности, самопожертвования и солидарности.

Было бы несправедливо сказать, что и в среде коммунистов нет этих качеств. Есть много убежденных, честных коммунистов, — и их нечего учить вышеупомянутым принципам, они у них имеются, несмотря на то, что марксистское учение заставляет качества эти скрывать, даже как бы стыдиться. Такой честный коммунист обязан по марксистской указке закрывать фиговым листком все то, что у него действительно хорошо, а все низкое обнажать и им щеголять. Но когда марксистский сумбур покинет русские головы, тогда в коммунистической партии будет много элементов, способных стать ценными членами названной группы. Кроме того, советский строй породил в России большие организации молодежи, иногда очень идейной, но, к сожалению, совершенно запутавшейся в марксизме. Вот здесь то, в этой молодежи, зреет великая и богатая жатва. Сейчас комсомол стоит перед неразрешимой задачей: многие молодые, прямые, искренние люди видят, что из коммунизма ничего не вышло, но и капитализма искренне не хочет комсомолец. Где же у него выход? *Выхода нет, пока он стоит на марксистских ходулях.* Но как только он эти ходули снимет, выход ему будет самый легкий — и он изложен нами в одной из предшествующих глав, когда мы говорили о «праведном» государстве. Отойдя от марксизма, комсомол силой вещей изменится и сможет влиться в ту правящую группу, которой не избежать будущей России.

2. Вторым преимуществом советского государство является то, что оно представляет собою первый *практический опыт демократической организации русского народа*, «демократической» опять таки не в смысле европейском, а в смысле «народности», ибо здесь создана возможность того, чтобы организованное меньшинство *действительно* выражало народную волю и народное миросозерцание, (возможность, которая при господстве коммунистов далека еще от действительности). Народная русская стихия искала себе свободного выхода в течение всей русской истории, однако, организация ее, начиная с московского периода, имела формы аморфные и анархические. И в течение Московского и в течение Петербургского периода русской истории, в глубине государства Российского шумели мощные подземные течения чисто народного характера, проявлявшиеся и в образовании казачьей вольницы, и в движениях самозванцев, и в великих потрясениях Смутного времени,

и в бунтах Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Однако, в противоположность подобным же течениям западных народов, русский демос не выработал никакой, собственно, политической программы, не сумел приступить к государственной *организации*, что сделал западный демос в своих учениях естественного права. Последним словом политической мудрости этих русских демократических течений было провозглашение самозванца, т. е. подражание тем политическим формам, которые не умещали русскую демократическую стихию, и против которых она подымала бурное течение своих волн. В 1917 году произошло падение российской монархии, и русский демос остался единственным властелином русского государства. Русская интеллигенция хотела ему привить формы западных демократий, но они не пользовались популярностью в народе, — ни тогда, когда их прививала ему монархия в виде умеренного западного конституционализма, ни тогда, когда их хотела привить либеральная и радикальная интеллигенция в эпоху Временного Правительства и столь мало понятого и мало поддержанного народом, Учредительного Собрания. Своеобразную организацию русского, чисто народного государства, конечно, дал большевизм, — не как политическая система, а скорее, как политическая практика, которая стихийно породила некоторые особые политические формы.

Часто кажется, что советское государство есть политическое образование совсем особого рода, не имевшее теоретических предшественников. Действительно, в советской организации государственной власти есть много оригинального, однако, нельзя сказать, чтобы общие контуры ее впервые измышлены были в результате революции 1917 года. В русских интеллигентских политических проэктах, советская система имеет некоторые предвосхищения, остановиться на которых в высшей степени поучительно.

По проэкту государственного преобразования М. М. Сперанского, Российская Империя должна была принять следующие политические формы. Во главе ее стояла единоличная власть монарха, около которой, в виде дополняющего коллегиального начала, построен был Государственный Совет, составленный из членов по назначению монарха и являющийся сосредоточием всех главнейших государственных дел. Монарх и Совет совокупно об'единяли всю область государственных функций, разделенных на три основных категории — на законодательство, управление и суд. Законодательные функции в государстве ведались различными Думами, которые разделялись на волостные, окружные, губернские и государственную. Каждая из них собиралась раз в три года из депутатов, выбранных от населеня (конечно, по очень несовершенной системе), на сравнительно короткие сессии. Низшие из этих Дум выбирали свое правление или Совет (волостное правление, окружной совет, губернский совет). Порядок выборов каждой Думы шел ступенями: волостная Дума, кроме своего правления, выбирала депутатов в окружную Думу, окружная — в губернскую, эта последняя — в государственную. Таким образом, центральное законодательное учреждение было связано

со всей системой местных законодательных органов. Сверх того, окружные и губернские Думы выбирали еще членов Окружного Суда и Губернского Суда.

Таков был порядок законодательных органов, которому соответствовал особый порядок управления Империей. Во главе управления стояли Министерства, как центральные правительственные органы. По замыслу Сперанского, в каждой губернии, в каждом округе, в каждой волости, должны быть учреждены как бы местные отделы Министерств, — местные Министерства «в меньшем размере». Состав губернского управления, говорил Сперанский, должен быть основан на том же правиле единства и постепенности, что и управление центральное. Эти местные отделы Министерств наименовались Правительством губернским, окружным и волостным. Каждое управление разделялось на соответствующие, в общем, центральным ведомствам отделы, которые назывались экспедициями. Кроме того, в каждой административной части Империи имелся и представитель единоличного монархического начала, в виде особых волостных, окружных и губернских начальников, или губернаторов. Скелет управления был построен, таким образом, по одному, весьма симметрическому плану. Как же он относился к системе органов законодательных?

По замыслу Сперанского, законодательные учреждения были теми контрольными инстанциями, перед которыми ответственны были правительственные органы, и которые «умеряли» власть последних. Так, Министерства Сперанский предполагал сделать ответственными перед Государственной Думой, понимая, однако, эту ответственность не в смысле парламентаризма, а в смысле представления периодических отчетов о своей деятельности Думе и в смысле привлечения Думою к суду отдельных министров.

Сходным образм Сперанский предполагал, что в каждой губернии при «губернском правительстве» имеется губернский Совет, избранный, как мы видели, губернскою Думою, — и перед этим Советом ответственно местное «правительство», представляя ему периодические отчеты и контролируя его деятельность. Подобную же роль играет окружной Совет и волостное управление. Таким образом, думал Сперанский, власть управления, с одной стороны, «не будет развлекаема на разные части, не будет теряться в пустых состязаниях, а, с другой стороны, будет умеряема действием Совета. Таким образом, все части управления придут в надлежащее единообразие, и, от министра до последнего волостного начальника, дела пойдут, так сказать, прямою линиею, не кружась во множестве изворотов, где ни можно найти ни конца, ни следов разным злоупотреблениям».

Таковы предположения Сперанского, которые мы попытаемся рассмотреть сейчас с точки зрения свершившихся в России перемен. Императорская власть рухнула — и, таким образом, упали возглавления государственной системы, как мыслил их Сперанский. С падением этих возглавлений должно упасть и все то, что на них строилось: падают,

таким образом, назначаемые монархом министерства, падает и вся система местных (губернских, окружных, волостных) управлений. Что же остается? Остаются, в качестве единственного носителя власти, избирательные учреждения, начиная с низших, кончая высшими, — остается то, что можно назвать советами депутатов и их органами. Низший совет выбирает высшие органы советов и, в свою очередь, свой правительственный орган, свое «правление» или свой «исполнительный комитет». С падением самостоятельно назначаемых местных и центрального правительств, правительственная власть переходит к этим комитетам. Верховный из них, соответствующий министерствам, делается выборным, превращается в комиссариаты и в совет комиссаров. Для согласования центрального управления с местными, образуются отделы комиссариатов при местных исполнительных комитетах. Но их можно образовать или путем избрания на местах, или же комбинируя избрание с назначениями. В последнем случае местное управление будет построено прямо по Сперанскому: выборные комитеты на местах и при них назначенные министерства «в малом размере», — отделы губернских и уездных исполнительных комитетов.

В самых общих формах, при снятии монархического принципа, из системы Сперанского и выходит то, что действует ныне в России в виде системы советов. Основные особенности этой системы можно свести к следующим: а) — Государственная система названного типа в принципе своем преодолевает индивидуализм и атомизм европейской демократии. Для европейских демократий высшим органом государственной власти является голосующий корпус граждан. Парадоксом западно-европейских демократий является то, что подобный «орган» по существу своему, однако, совершенно лишен какой нибудь «организации». Он просто представляет собою дезорганизованную массу людей, которые берутся, как ничем друг с другом не связанные. Их об'единяет только одно, — что они могут голосовать и выражать свои индивидуальные мнения. Такой орган есть настоящая куча песка, на которой и строит демократия свое здание. Очертания этой кучи столь неопределенны, что большинство западных конституций просто не решаются называть голосующую массу «органом», хотя без сомнения, молчаливо этот орган предполагают. Только в некоторых конституциях, как исключение, голосующий корпус считается «органом». Так, например, конституция Женевского кантона называет голосующий корпус «генеральным советом» кантона и утверждает, что совет этот никогда не распускается и является носителем верховной власти. От него кантональная конституция отличает «большой совет» или совет депутатов, как орган вторичный. Все это, конечно чистые фикции. В действительности, народ не представляет собою такой кучи несвязанных друг с другом атомов. Народ, как реальное явление, связан многочисленными социальными и экономическими отношениями, он выступает прежде всего как совокупность частных хозяйств и семейств, об'единенных различными территориаль-

ными и профессиональными связями. Советская система за отправную точку свою и берет неотвлеченного голосующего индивидума, а известную социально-экономическую единицу, — деревню, волость, фабрику, — с ее первичным государственным органом, — советом депутатов. Советское государство есть не совокупность граждан-атомов, а совокупность советов.

Огромный недостаток западной демократии проявляется в фактической неспособности дезорганизованной массы голосующего корпуса как либо проявлять себя — в необходимости ввести в «орган» какую нибудь «организацию». Так родятся *политические партии*, которые играют в западных демократиях роль организующего начала. Голосующий гражданин присоединяется к какой нибудь партийной программе, становится членом целого, которое фактически играет в государстве политическую роль. Режим западных демократий есть партийный режим, партия дает демократии то организующее начало, которого она не имеет, поскольку мыслится, как неорганизованная куча отдельных голосов. Однако, режим партий взамен естественной организации граждан дает организацию чисто искусственную, построенную не на действительных социально-экономических интересах и потребностях, но на «принятии программы». Партийные программы строятся обыкновенно по принципу: «кто больше пообещает». Вот на таких «посулах» и покоится организация «верховного органа» современных демократий. Людей об'единяют неосновательные обещания, пробужденная ими жадность, надежды в будущем поживиться и получить побольше, — и немудренно, что при этом политическая жизнь лишена здоровья и чистоты. В противоположность всему указанному, советская система, по крайней мере в принципе своем, покоится на представительстве чисто реальных и профессиональных интересов, группирующихся около «советов», как основных ячеек республики. Отсюда вытекают еще две важных особенности советской государственной системы. Во первых — она вся построена на косвенных выборах, что решительно противоречит европейским демократическим догмам, считающим нормальными только выборы прямые. Идея прямых выборов вытекает из учения о народном представительстве, как географической карте страны. Чтобы парламент «отражал» наилучше всю страну, необходимо непосредственное избрание депутатов народом. Чем более депутаты отделены от непосредственного волеиз'явления народа, тем менее точно отображают они нацию. Но стоит только отрешиться от этих демократических фикций, стоит только усвоить взгляд на выборы, как на отбор наиболее способных и лучших, — и вопрос о косвенном избирательном праве получит совсем иное освещение. Можно считать довольно несомненным, *что процесс такого отбора гораздо совершеннее протекает при многостепенных выборах*, чем при прямых. Во всяком случае, правосознанию русского народа косвенные выборы куда ближе, чем прямые. Еще при подготовке к выборам в Учредительное Собрание,

в 1917 гду, трудно было убедить простого русского человека в справедливости прямого избирательного права. «Нет», часто приходилось слышать от солдат, — «уж лучше мы выберем делегатов, а они там уже решат, кто должен быть депутатом». В мнении этом проявлялось, интенсивное, практическое чувство русского человека, что ему иногда трудно судить о пригодности того или иного из избираемых к политической работе. Русский избиратель хотел сознательно ограничить себя тем, чтобы в акте избрания поручить доверенным лицам избрать из своей среды наиспособнейших.

Кроме того прямые выборы фактически возможны только там, где упрочен режим партий и где население раздроблено на партии. Слава Богу, в России этого еще до сих пор нет. Русский народ до сих пор представляет собою массу безпартийную, и, если при этих условиях привить у нас систему прямых выборов, ясно, что она обратится в голосование за тех, кто всего более пообещает. А какие же кандидаты могут быть при прямых выборах предложены? Ведь прямые выборы отправляются от предположения, что народ есть неорганизованная куча голосующих, и только партия может быть той организацией, которая способна выставить кандидатские списки. Здесь мы подходим ко второй положительной особенности советской системы, вытекающей из ее основного взгляда на совет, как на органическую клетку государства. Советская многостепенная избирательная система теснейшим образм связывает выборы в центральные государственные учреждения с выборами в органы местного самоуправления. Депутаты выбираются не политическими партиями, а теми территориально административными государственными органами, иерархический порядок которых образует скелет советского государства. По принципу своему такая система имеет в виду постепенно провести на государственные верхи истинно деловых людей с государственных низов. Если такой порядок упрочился бы, как нормальный, это означало бы, что в правительство могут пройти только люди, которые выказали себя деловой работой в местных учреждениях. Парламент, составленный из таких людей, был бы уже не «говорильней», но истинно рабочим учреждением.

Мы часто слышим мнение, что вредно местное самоуправление вмешивать в политику, — пускай оно занимается своей работой, а не выборами депутатов. Мнение это покоится на в высшей степени несправедливом взгляде, что «политика» это — одно, а деловая работа — другое. Действительно, партийный режим способствует упрочению подобного взгляда; «политика» при нем сводится к партийным дрязгам и партийной борьбе в парламенте. От такой «политики», конечно, следует держаться подальше местному самоуправлению, хотя при господстве партийного режима пожелание это является чисто платоническим: все равно партийность проникает и в органы самоуправления, которые тоже ведь составлены из представителей партий. Однако, для нас вся проблема организации правильно построенного,

демократического государства сводится к тому, чтобы на место народного представительства, избранного по партийному признаку, поставить народное представительство, чисто деловое и рабочее. Для нас дело идет об уничтожении «политики» в парламенте, а раз она будет уничтожена, не будет ее и в местном самоуправлении. Уничтожить же ее можно только одним путем: путем непосредственной связи с деловой государственной работой в центре.

в) — Государственная система названного типа является системой последовательно проведенной *опосредствованной демократии.* Управление через полномочных представителей, депутатов — вот основная ее норма. В силу этого названная система в значительной степени чужда тем трудностям, которые тотчас же наблюдаются когда *демократию* понимают не как *власть депутатов,* а как полное самоуправление народа, где строго говоря никто не властвует, а каждый управляет самим собою.

Тупик, в который попали западные демократии, в значительной степени об'ясняется этим пониманием демократического строя, как некоего анархического самоуправления. На самом деле, как такое «правление всех и никого» можно осуществить в действительности? Повидимому, оно мыслимо только в виде постоянно созываемой сходки всех граждан, которые решают все вопросы голосованием и только исполнение своих решений поручают отдельным лицам. Подобная сходка возможна, конечно, только в небольшой общине, так как сходка в несколько миллионов и даже тысяч человек была бы и немыслима и вполне неработоспособна. Кроме того, такое управление через общее собрание граждан возможно только в общине с очень простой и несложной жизнью. Если же перед общиной стоят многочисленные и сложные вопросы, это значит, что общая сходка граждан должна собираться постоянно и граждане большую часть времени должны тратить на сидение в собрании, на произнесение речей и на голование. Русские хорошо знают как идет дело на таких сходках и как безконечно долго на них обсуждается самый простой вопрос. Пожалуй, при таком «самоуправлении» людям ничего не осталось бы делать, как посвящать все свое время политике. А так как это весьма скучно и жизненно невозможно, то практика общих собраний силою вещей превращается в то, что на них идут только любители, призванные политики, которые фактически со временем и становятся правящей группой. Но все это мы говорим о случае, когда вообще общая сходка возможна. А когда она немыслима, вследствие количества ее участников, тогда современные демократии предлагают заменить ее некоторыми суррогатами, в виде, например, референдума или плебисцита. И опять таки построить жизнь государства на голосовании всех вопросов путем плебисцита — совершенно немыслимо. Плебисцит есть сооружение тяжелое, дорогое, берущее не мало времени у участников и применимое только в особо важных и исключительных случаях. Таким образом, куда мы не идем, везде наталкиваемся на мысль, что

управлять фактически можно только через известную группу лиц, через специальное меньшинство.

Мы переходим таким образом к идее *демократии опосредствованной*, которая по существу дела является политической формой, реально привившейся в жизни, благодаря ее удобству и осуществимости. Народ может управляться не сам, а посредством *депутатов*. Сторонники западных демократических учений часто стараются, как мы уже говорили выше, создать фикцию, согласно которой выходит, что управляемый через депутатов народ *как бы* самоуправляется. Для оправдания этой фикции утверждали, что собрания депутатов являются как бы народом в миниатюре. Однако, все эти образы и сравнения не обладают ровно никакой реальностью. Собрания депутатов в действительности являются не миниатюрной копией народа, а тем правящим властным органом, который стоит во главе демократического государства. Поэтому совершенно правильно говорить о диктатуре парламента в демократиях европейского типа, только всегда нужно помнить отличия этой диктатуры от других, сходных политических форм. Прежде всего — и это самое главное — диктатура парламентских депутатов есть диктатура людей, которые попали в правящую группу после избирательной борьбы, после известного всенародного состязания. Этим диктатура парламента отличается от диктатуры старой родовой аристократии или от диктатуры назначенной абсолютным монархом бюрократической группы, «служилого сословия». Родовая аристократия существует в силу *исторических* преимуществ, по действующему праву, не сменяема; бюрократия подобрана волею монарха, назначена его односторонним актом и без монарха не сменяема также. Властное первенство парламентское создалось, напротив, в силу личной конкурренции: происходила избирательная борьба, кандидаты дебютировали перед народом, народ оценивал того или другого — и остановился на тех, кто ему казался лучшими. И с другой стороны, и аристократия, и старая бюрократия — безответственны, парламентские же депутаты ответственны уже прежде всего тем, что их всегда могут забаллотировать на следующих выборах. Член демократического правительства должен так или иначе показать свою способность и свое умение управлять. Во всем этом проявляется некоторое неоспоримое преимущество демократической правящей группы. Хотя народ и не всегда умеет выбирать лучших, однако умеет ли всегда выбирать их монарх и лучшие-ли непременно те, кто считается уже лучшим по роду? В данном случае у демократии и других политических форм преимущества и недостатки, так сказать, одинаковые. *Но демократия* бесспорно лучше аристократии и абсолютной монархии в том смысле, что она отрицает личный режим и создает условия для оценки правящих по признакам чисто *об'ективным*. Личная симпатия или личная принадлежность к роду могут быть единственными критериями для оценки правящего в монархии. Самый неспособный министр может таким образом существовать, если

родовит и угоден. А в демократии *принципиально*, по крайней мере, такой случай невозможен. Демократические власти должны завоевать себе симпатии борьбой и работой. Не отрицаем, что в этой борьбе могут быть применяемы и нечистые средства, однако, это не есть возражение по существу. Нечистыми средствами можно исказить каждый институт, даже самый совершенный. Мы же говорили здесь о принципах. И прицины конкурренции и ответственности составляют принципом первостепенной важности для будущих судеб Росси.

Старая царская Россия была государством бюрократическим, в котором это начало «конкурренции и подбора» всего менее находило приминение. Хороша-ли, худа-ли была царская бюрократия это другой вопрос, но сейчас она является разбитой и уничтоженной. Советское правительство породило собственную, коммунистическую, бюрократию, которая большими достоинствами также не отличается. В настоящее время особенно важно для России привлечь к управлению государством широкие народные круги, чтобы выработать из них способных и деятельных лиц, могущих хорошо двигать государственную машину. Нужно помнить, что когда кончится коммунистическая диктатура, у любого будущего правительства не будет рабочей силы, не будет исполнителей и руководителей — их негде достать, помимо обращения к народным массам. Поэтому тот принцип опосредствованной демократии, который мы встречаем в советском государстве, является принципом первостепенной важности для будущих судеб России.

Таково начало опосредствованной демократии, провозглашенное в советском государстве, но фактически в нем ныне задавленное и влачащее довольно жалкое существование. Фактически современная Россия управляется на основе не демократического, но чисто олигархического начала, воплотившагося в диктатуре коммунистической партии. И здесь, конечно, мы имеем дело не с «правдой», а с «кривдой» советского государства, которая рано или поздно обличит свое собственное ничтожество. Современнее господство этой «кривды» покоится на разных основаниях, которые можно свести к трем главным: 1) Непривычка русского, особенно крестьянского, населения к самоуправлению, отсутствие в нем крупных организаций и широкой сплоченности. Известно, что крестьяне очень неохотно идут на выборы в советы, процент уклоняющихся от выборов — огромный. В выборах принимают участие далеко не лучшие деревенские силы. При выборах у населения никакой ясно осознанной и признанной всеми программы нет, между тем коммунисты выступают всегда сплоченной группой, организованно и поступая по обдуманной программе. 2) Различные неправомерные, с точки зрения советского права, действия правящей партии и произвол, царящий в современной России, отсутствие в ней строгих правовых норм. Так советский избирательный закон позволяет правящей партии лишить избирательных прав целые группы граждан, об'явив их «кулаками», «буржуями» и т. д. Далее коммунисты могут производить на выборах сильное давление на из-

бирателей, используя то, что они стоят у власти, и что в их руках государственная сила. И тем не менее мы видим, что в последние выборы в советы крестьяне довольно успешно с'организовались и выбрали в сельские советы не коммунистов, а своих «безпартийных» представителей. Однако, и это не помогает. Когда начинаются выборы на различные с'езды советов, давление коммунистов начинает все более и более повышаться, в зависимости от стадии выборов. Помогает этому давлению то обстоятельство, что выборы в волостной, губернский, окружной и т. д. С'езды, происходят в численно незначительных избирательных собраниях, куда сходятся или с'езжаются с мест. В таких собраниях депутатов, конечно, весьма легко обработать, если они не организованы. 3) Наконец, самые особенности современного советского государственного права. Избирательный закон в Советской России и построен так, что городские советы имеют право посылать от себя непосредственно депутатов на различные С'езды Советов, начиная с уездных и губернских и кончая С'ездами самого Союза. Сельские же Советы лишены права выбирать от себя депутатов непосредственно. Депутаты из крестьян могут пройти в высшие республиканские С'езды только в том случае, если они избраны в губернские или уездные С'езды Советов. Это обстоятельство ставит в большое преимущество города и фабрики, где имеются самостоятельные советы, перед деревней. А так как в городах и на фабриках у коммунистов и более приверженцев, и они здесь имеют большую возможность давить на население, то при помощи такого закона и выходит всем знакомая в советской России вещь: в сельских советах в среднем 90 процентов не коммунистов, а на республиканских С'ездах — 90 процентов коммунистов. Это — настоящий фокус, вроде тех, которые показываются в цирках.

Для будущего самым существенным вопросом русской внутренней политики является постепенное освобождение советского демократического начала от коммунистического гнета. Учреждение «советов» дало оружие для такого освобождения в руки самому русскому народу. Как ни задавлены советы коммунистами, все же русское, преимущественно крестьянское, население постепенно учится в них самоорганизации и самоуправлению. Советы суть те лаборатории, в которых вырабатывается подбор истинно «деловых» людей, истинной соли земли русской, фундамента для построения будущей народной России. Это — уже не «глиняные» ноги громадного русского великана, — это — настоящий гранит, который не сможет разрушить никакая сила. Но чтобы работа такой лаборатории стала нормальной, следует добиться того, чтобы истинные представители советов проходили и на верхи государства.

Поэтому должна быть снята с советов коммунистическая опека, должно быть прекращено давление на выборах, должна быть обезпечена полная свобода выражать свое политическое мнение, должен быть снят непомерный советский деспотизм города над деревней. Сельские

советы должны получить такое же право непосредственно выбирать депутатов в выше стоящие органы, как и советы городские. Только тогда мы увидим на верху России не фальсифицированное и сфабрикованное коммунистами «общественное мнение», а действительный голос русского народа. В то же время и русский народ должен понять то значение, которое имеют для него Советы. Он должен освободиться от своей политической инертности, должен понять, что советы — его народное дело, и что, в сущности, в советах лежат все судьбы его родины. Ведь теперь уже нет тех, под опекой которых русский народ жил ранее, теперь он сам — хозяин и распорядитель. Если он не досмотрит, то кто же за него сделает. Коммунисты? Но ведь он не хочет коммунистов. Стало быть, он должен относиться к своим советам так же, как к своему личному хозяйству — не посеешь во время, будешь голодать; так и в советах, — не позаботишься о России, так и Россия погибнет. Словом, нет России, без советов; советы не могут не собраться в срок, как бы там коммунисты ни фокусничали; на выборы должны идти все до одного; выбирать организованно людей крепких, верных народному делу; наказывать им, чтобы в дальнейших выборах депутаты шли как стена, не поддавались никакому давлению. Будет это — исцелится Россия.

7. О МОНАРХИИ И РЕСПУБЛИКЕ.

Мы выставляем, таким образом, в качестве основной нормы будущей русской внутренней политики следующее простое положение: «Россия с советами, но без коммунизма». Это значит, что советское государство, сохраняя основные черты своего внутреннего строения, должно стремиться к развитию их в сторону широкого народного самоуправления, на представительных началах, совмещая эти начала с широкой надклассовой организацией тех слоев, которые способны быть истинными, самоотверженными слугами государства, с организацией, совсем не похожей на партии многопартийных европейских государств, но проникнутой государственною идеологией и хорошо дисциплинированною. Параллельно с этим, будущее государство, не отрекаясь от основной своей цели — борьбы с эксплоатацией — должно стремиться к ее выполнению не путем принудительного государственного коммунизма, но путем упрочения и развития принципа истинной государственности, из которого следует упрочение и развитие индивидуальной свободы. Для этого в государстве должны быть, ради блага целого и, следовательно, и всякого члена его, *действительно гарантировано* основное из человеческих прав—право на духовное развитие; советское государство должно обезпечить это право путем применения всех необходимых для его истинного осуществления средств. Если все названные требования будут действительно проведены в жизнь, то это *советское государство* станет образцом хорошего государственного устройства,

понимая под таким устройством не окончательное водворение земного рая, — что является задачей нелепой и невыполнимой, — но организацию социальной жизни на основах правильных целей и при применением соответствующих им правильных средств.

Мы не связываем, таким образом, вопроса об организации справедливого государства с модным ныне в русской эмиграции спором о республике и монархии, — тем спором, который и является по чистому недоразумению, главной точкой расхождения современных политических партий. И этого спора в данной связи мы не в ту ни в другую сторону не предрешаем. Пресловутый спор о республике и монархии исходит из того совершенно ложного предположения, что простая форма организации правительственной власти в государстве может превращать это государство в справедливое или несправедливое, в доброе или злое. И та и другая из спорящих сторон, по какой то странной забывчивости, упускают из вида, что могут быть отвратительные монархии и хорошие республики и, наоборот, презреннейшие республиканские правительства и доблестные монархические. Сама по себе идея монархии и идея республики еще ничего не говорит. Величайшей политической наивностью является мнение, что там, где монархия, там мерзость и запустение, но не меньшей наивностью отличается взгляд, согласно которому всякая республика есть форма отреченная и проклятая.

Подходя ближе к вопросу о монархии и республике, мы должны прежде всего точно уяснить, о чем идет спор. О какой монархии прежде всего, говорят, — об абсолютной или ограниченной. Разница между этими двумя типами государств — огромная, и, в сущности, только по некоторой не научной, чисто обывательской неточности, они подводятся под общее понятие: «монархия». Абсолютная монархия есть такая форма государственного устройства, в которой высшая власть во *всех* ее функциях, принадлежит одному лицу. Абсолютная монархия есть политическая форма, преимущественно свойственная древним, языческим государствам и теснейшим образом связанная с религиозными представлениями. Понять абсолютную монархию можно только, приняв во внимание ее религиозное лицо. Власть абсолютного монарха не только происходит от Бога — можно сказать, что вообще всякая власть и даже власть народа от него происходит, — гораздо более, власть эта запечатлена некоторыми божественными чертами, она есть или сама божественная власть или власть, отражающая в себе божественную правду. В древнейших языческих, наивных представлениях, монарх прямо был одним из богов, а потому и власть его была божественной. С течением времени культ царебожества утратил свой смысл, однако многие отдельные черты его сохранились, — и они то питали абсолютную монархию в более позднюю, христианскую эпоху человеческой культуры. Сюда относится, прежде всего, убеждение, что монарх не есть должность в государстве, но лицо, облеченное некоторыми священными функция-

ми, как например, функциями духовного водительства народом, духовного спасителя народа (как бы первосвященника), берущего на себя ответственность за народные грехи. Сюда относится убеждение, что между монархами и народом нет никакой правовой связи, но только религиозно-нравственное единение, как бы между человеком и Богом, в силу чего монарх становится отцом народа, носителем божественной милости и божественного гнева, милующим и карающим народ за грехи, как карал его Бог Израильский, и ограниченным только законами божественными. Сюда относится, наконец, внешнее почитание монарха, как Бога, присвоение ему божественных титулов и, т. п. Само собою разумеется, что между такой монархией и республикой имеется огромная пропасть. Ибо всякая республика, представительная или непосредственная, *если брать ее в новейшем европейском понимании*, теснейшим образом связана с идеей правового государства, т. е. такой политической формы, которая обезпечивает и защищает права граждан и чувствует себя связанным правом, т. е. иными словами, является *государством с ограниченной, а не абсолютной властью.*

Принципиально, иное отношение устанавливается между республикой и монархией ограниченной. Ограниченная же монархия есть, так называемая, «смешанная» форма государственного устройства, в которой высшая власть в государстве, в том или ином виде, разделена между народом и монархом. Иными словами, в ограниченной монархии «смешаны» единоличное начало власти (монарх) с коллегиальным многочисленным (народ или народное представительство). Мы знаем, что большинство из известных нам, когда либо существовавших или существующих, республик были также построены на смешении личного начала властвования с народным. По крайней мере, таковы все республики, которые имеют президента. При этом в некоторых президентских республиках, например, Северо-Американской, личное, президентское начало выражено очень сильно, — фактически сильнее, чем в некоторых ограниченных монархиях. Всем известно, что власть американского президента превосходит в некоторых отношениях власть английского короля. Следовательно, с точки зрения политических принципов, разница между республикой и монархией, как государствами смешанными, теряет свое значение. Она сводится, строго говоря, к тому признаку, что в ограниченных монархиях, личное начало живет на основании наследственных привилегий, исторически закрепленных за членами одного рода; в республиках же — на основании народного голосования. Принимая во внимание, что и монархии могут быть, и часто бывали, избирательными, и что титулом для наследственных привилегий может быть также акт голосования, — выходит, что вся разница между республикой и монархией, как смешанной формой, сводится к сроку, которым связаны права личной власти в государстве. — Можно спорить, какой срок удобнее или целесообразнее, — однако, с практической точки зрения, это только спор об удобстве, а не о принципах. И как всякий спор об удобстве,

он едва ли может быть решен в понятиях безусловных. Здесь все зависит от конкретных обстоятельств, имеющих значение определяющее: для одного народа удобнее и целесообразнее закрепить личную власть, навсегда, за определенным кругом лиц, для другого это представляется безразличным или менее удобным. Сторонники монархического принципа выдвигают часто то, имеющее безусловное значение, соображение, что монархическое начало в государстве всегда более нейтрально, чем президентское. Однако, и избранный на царство монарх, как напр., у нас при провозглашении царя Михаила Федоровича Земским Собором, проводится известной группой, которая дает ему большинство или добивается единогласия. Причем, совершенно ясно, что истинно беспристрастный человек, выбранный партией на должность, не будет непременно проводить партийную политику. И в то же время может случиться, что член царствующего дома, получивший престол по закону, а не по избранию, может попасть в руки партии и слепо проводить ее директивы. Словом, никаких безусловных суждений здесь нет и быть не может, и вопрос о преимуществах республики или монархии, как смешанных форм, переходит неизбежно в область исторических и социально-психологических соображений. Бывают народы, у которых вдруг пробуждается любовь к своей старине, — и тогда они, после бурных революций, начинают вспоминать свой старый, разрушенный дом. Тогда они стремятся построить свое новое государство в старом стиле. Но бывают народы, ненавидящие многое в своем прошлом и эта ненависть может распространиться и на старое, разрушенное революцией государство, которое долго будут считать «проклятым режимом». В таком случае, уже старый стиль не подходит, дом строится новый, в новом стиле.

Если исходить из тех основных линий, которые намечены нами в будущих формах русского государства, то само собой разумеется, оно не может быть абсолютною монархиею. Современное же фактическое состояние советского государства, где коммунистическая партия хозяйничает, как единоличный владыка, конечно, напоминает абсолютную монархию в ее извращенном виде — в виде восточной тирании, в которой царствует полный и неограниченный произвол.

С точки зрения практического смысла, можно говорить об отношении русского государства к монархии и республике, как формам ограниченным, правовым. В силу вышеизложенного, мы не считаем политически *принципиальным* вопрос о том, какие последние оформления может получить русское государство, — монархические или республиканские, однако в связи с означенным вопросом перед нами возникает целый ряд чисто *технических* проблем, касающихся способов организации государственной власти и заслуживающих особого рассмотрения.

Мы уже видели, что советская республика, по ее правовой форме, есть республика чисто коллегиальная. Во главе правительственной

власти стоят коллегиальные учреждения, как президиум ЦИК-а и Совет народных комиссаров. Единоличное начало в ее *конституции* не имеет почти что никакого проявления. Только в организации отдельных управлений проявляется единоличная власть комиссаров, сдерживаемая, однако, принадлежностью их к Совнаркому и зависимостью от него. Мы видели также, что подобная схема проведена по всему зданию советского государства, с верхов до низов. Можно с известным правом смотреть на советскую систему, как на некоторый рецидив в увлечении коллегиальным началом, которое было привито у нас в России Петром Великим и просуществовало вплоть до эпохи Сперанского и до учреждения министерств. Таким образом, можно с некоторым правом говорить о сходстве административного устройства советской России с административными устройствами конца XVIII века, когда Петровские коллегии из центра были переведены на места и когда Империя была административно децентрализована. Из истории Петровских реформ известно, какие неудачи потерпело это увлечение коллегиальной системой и как фактически, уже при Петре, она была исправлена привхождением единоличного начала. В сущности, то же самое наблюдаем мы, но еще в более резкой форме в современной России, — в более резкой форме потому, что в Империи единоличная власть всегда олицетворялась в лице Императора, а в СССР легально она не может иметь никакого выражения. Зато единоличное начало получило здесь чрезвычайно мощное фактическое воплощение. Вместо оффициальной власти Императора, стала здесь, не закрепленная никакой конституцией, власть вождя партии. Первым неоффициальным русским монархом в советской России стал Ленин, а потом его преемники, которые, повидимому, спорят за единоличную власть и будут еще спорить. Современным, неоффициальным, правителем России является, конечно, Сталин, с восточным упорством отстаивающий свое первенство у своих конкуррентов. Так дело обстоит на верхах, но, сообразно этому, фактически построились и все советские низы. Везде, начиная с республик, и кончая сельскими советами, выплыли местные, чисто личные силы. Коллегии теперь играют чаще всего роль совещательную, а действуют разные председатели Губисполкомов, Уисполкомов и Волисполкомов. В настоящее время в советском государстве опасным является не преобладание коллегий, а, скорее, их бездействие, вызванное мощным преобладанием личного начала.

Можно по праву поставить вопрос о том, зачем писать такие законы, которых нельзя выполнить. Не целесообразнее ли единоличное начало ввести не под сурдинку, не путем незаконным и противоконституционным, но откровенно дать ему законодательное конституционное признание? От этого только бы выиграла вся постройка, от этого контуры ее оформились бы и окончательно установились.

Такое оформление требует учреждения в государстве *легальной единоличной* власти. С точки зрения отвлеченных преимуществ отдельных политических форм, учреждение единоличной власти в госу-

дарстве, построенном на чисто коллегиальных началах, всегда является некоторым преимуществом. Из разных политических форм, та практичнее, которая воплощает в себе более возможностей, которая дает выражения наиболее разнообразным принципам. Здесь лежит смысл старого учения о смешанном государственном устройстве, т. е. о таком устройстве, в котором совмещены были бы достоинства разных политических начал. Мы говорили уже о точке зрения политической относительности, о политическом релятивизме. Для него каждая государственная форма имеет свои положительные и свои отрицательные стороны, и чистая монархия, и чистая олигархия, и чистая демократия. Политическая мудрость народа заключается в том, чтобы суметь в своей государственной постройке выразить преимущества каждой из них — и избежать свойственных им недостатков. В этом смысле целесообразно требовать, чтобы в советском государстве было признано также и единоличное, монархическое начало, наряду с началом демократическим (советы) и началом олигархическим (организация правящей группы). Как произойдет такое признание, пускай решит это уже сам русский народ. Одно можно только сказать, в качестве предисловия к этому решению. Русская революция произвела такие огромные сдвиги, внесла такие невероятные изменения в самой народной душе, что, может быть, вообще следует избегать применять к решению этому старые шаблоны.

Но каким же образом удастся сочетать советский демократизм с началом единоличной власти? Теоретически такое сочетание вполне возможно, так как советская демократия отнюдь не стоит на точке зрения единодержавия народа или народнаго суверенитета. Оттого у советской теории власти нет той враждебности к единоличию, какая имеется необходимо у всех последовательных представителей учения о самодержавии народа. Советская политическая теория учит только о самоуправлении советов посредством депутатов, — причем она отнюдь не переоценивает значения выборного начала в государстве. Управление через выборных депутатов есть одно из средств политической организации, которое, как и всякое средство, является не безусловным. Оттого при некоторых условиях в советском государстве управление через выборных может быть дополнено через назначенных: фактически в советском государстве широко практикуется принцип назначения, — и в управлении центральном, и в управлении местном. Учреждение верховной единоличной власти возглавляло бы эту систему назначениями и устанавливало бы в государстве оффициальный единоличный орган. Если теоретически в советском государстве система выборов уживается с системой назначения, то и практически, при преобразовании советской власти, не будет трудным совместить эти два различных начала. Способы такого совмещения различны, и мы наметим только некоторые. Прежде всего, как само собой разумеется, назначением должен замещаться весь технический аппарат советов, начиная от секретарей и кончая отделами различных исполнительных

комитетов и центральных ведомств. Однако, начало назначения может пойти и дальше. Отдельные органы советов, центральные и местные, например, исполнительные комитеты и советы народных комиссаров могут быть пополняемы членами по назначению, например, когда дело идет о чисто технических службах (как военно-морское дело, внешняя политика, пути сообщения и т. п.). При этом можно искусно сочетать начало выборности с назначением, поставив условием, что члены названных органов назначаются только из числа выборных членов советов.

Однако, мы не пишем будущей конституции государства. Мы намечаем только те общие линии, по которым она может быть построена в преобразованном советском государстве. С установлением начала единоличной власти, контуры советского государства вырисуются не в стиле отжившего самодержавия, но, примерно, в той форме, которую рисовали русские преобразователи и в частности М. М. Сперанский.

8. О СОЮЗЕ НАРОДОВ.

Мы говорили уже, что единственным правом свободы, которое признает советская декларация, является право национального самоопределения. Провозглашая это право, советское правительство, как известно, ведет широкую национальную политику, в которой есть также своя правда и своя ложь. Правда национальной политики большевиков сводится к тому, что ими были практически поняты и своеобразно использованы те центробежные силы, которые обнаружились в результате крушения Российской Империи в 1917 году. Нельзя, конечно, преувеличивать этих сил, но нельзя в тоже время их преуменьшать и недооценивать. Одним из пагубных заблуждений белого движения было то, что оно совершенно не считалось с ними и полагало парализовать их действие простой силой оружия. Между тем дело здесь шло о целой стихии, упрямой и самовольной, овладеть которой можно не путем механического давления, но посредством органического приспособления, психологического расчета и тонкой дипломатии. Машину можно взорвать, искусственно задерживая в ней давление пара; но еще более осторожности требует обращение с человеческими душами, взбудораженными национальной страстью.

Правда советской национальной политики заключается в том, что большевики пошли здесь путем приспособления, которое в то же время не означало полного отказа от единства России. Напротив того, право самоопредения большевики обставили довольно тяжким условием, — именно принятием, со стороны самоопределяющихся, коммунистической программы и советского государственного строя. Причем и здесь большевики поступили не только, как коммунистические завоеватели, но и как ловкие политики. В каждом народе, получающем

самоопределение, они создали национальную группу приверженных Москве коммунистов. Они вводили советский строй не только силой штыков, но и симпатиями народов к их социальному идеалу. Ведь до сих пор они владеют, например, Кавказом, при помощи кавказских коммунистов, а не единственно военной оккупацией. Но так дело обстоит и в других частях СССР. И в результате получилось, собственно говоря, положение довольно простое, иногда неясное самим представителям советской власти: получилось так, что только те народы, которые служат нынешней Московской правде, получают самоопределение и вступают в союз с Москвой. Принцип такого об'единения есть принцип совершенно правильный и единственно возможный, несмотря на то, что правда-то Московская оказалась кривдой. В нашу эпоху, когда и восточные народы стали жить самосознанием, и уже не дремлют в старом блаженном сне, нельзя об'единить государство иначе, как обращаясь к сознательности, ища в душах народных того стремления, которое способно создать солидарность, послужить основой для об'единения. Союз народов, хотим сказать мы, можно сковать только на почве веры в общие идеалы. Восточные народы ранее верили, что белый русский царь является носителем справедливости, спасителем их судеб, хранителем мира. И потому Россия была популярна на Востоке. Большевитская политика имела успех оттого, что сумела внушить народам веру в ту же великую социальную миссию России. И большевитская Россия служит для многих символом свободы, считается покровительницей угнетенных, предвестницей будущего земного рая. Всякая будущая русская международная политика, если она хочет быть истинно великодержавной и мировой, должна исходить из тех же общих принципов, должна строиться на сознании великой русской миссии, великого русского служения несчастным и угнетенным. И потому, крушение веры в ложный марксистский идеал не может быть крушением веры в великую освободительную миссию России. Восток не понимает марксизма, для него он пустой, непонятный и чуждый звук, который за собой никого не поведет; но Восток знает и ценит Россию — Россия для него не пустое слово и в будущем не сможет стать пустым словом.

Кривда советской национальной политики сводится, прежде всего, к громадному внутреннему противоречию, которое в ней содержится. Марксистское миросозерцание есть типичный интернационализм, не признающий нации, как самостоятельной ценности. По существу своему марксизм стремится к созданию пролетарского интернационала, а вовсе не союза национальностей. Идея союза народов искусственно пришита большевиками к марксизму, из которого она никак не вытекает и не выводится. Оттого национальная политика большевиков таит в себе внутренний обман, который, рано или поздно, должен обнаружиться. Коммунисты, в конечном счете, хотят обезличить все народы, лишить их всех индивидуальности; но так как они люди практические и так как они понимают всю силу национальных

лозунгов, то они ими и пользуются, чтобы привлечь народы, дать им временное самоопределение, а потом остричь их под одну интернациональную скобку. Кривда советской национальной политики обнаруживается далее в том, что коммунисты превратили принцип национального самоопределения в особый род ходячей монеты, выпущенной в массовых размерах, ради агитационных целей. Так и созданы были большевиками многочисленные национальные республики среди народов, которые сами до этого ни о какой автономии и не думали. Над Россией витают теперь созданные советской политикой национальные духи, и парение их грозит советскому интернационализму, с которым они, рано или поздно, должны вступить в борьбу. Коммунистическая политика словно всеми силами стремится сделать реальною ту невероятную возможность, что в результате этой борьбы, отдельные, входящие в состав России народы разрушат и Россию и интернационализм и, так как они сами едва ли способны к самостоятельному государственному бытию, то придет некто третий, не русский и не интернационалист, который и превратит их землю в свою колонию.

Будущая Россия не может быть построена иначе, как на началах широкой автономии входящих в ее состав земель и народов. Построение России на началах автономизма есть старая русская проблема, которой занималось и русское правительство, (например, во время Александра Первого) и русское общественное движение, начиная с декабристов.

Проводя принцип самоопределения национальностей и организуя новое областное деление России, советская политика, в сущности говоря, проводит не марксизм, но осуществляет старинные задания русского общественного мнения. Каждое длительное правительство, возникшее в России после революции, принуждено было бы делать то, что делает ныне советская власть. И то, что ею сделано, в смысле нового перерайонирования России, относится к числу фактов, с которыми нельзя не считаться любому из будущих преемников русских коммунистов. Глубочайшей наивностью является взгляд, что нынешнюю перекроенную Россию можно будет одним взмахом пера воротить к состоянию 1916 года, вычеркнув все то, что сделала и жизнь и советская политика почти за десять лет русской истории. Нынешнюю перестроенную Россию придется сначала принять, как факт, а потом уже, постепенно, проводить в ней необходимые исправления. При этих исправлениях следует иметь в виду: 1) те части России, которые пережили период собственного, самостоятельного государственного существования, как то, Украина, Кавказские республики и т. д., 2) те части России, из которых большевики искусственно образовали самостоятельные национальные республики; 3) новые территориально-административные единицы возникшие в процессе перерайонирования России. Первые должны остаться в качестве самостоятельных земель, входящих в Российское целое на началах широкой автономии и б. м. федерализма. Вторые, как чисто тепличный

продукт, или умрут естественной смертью, или подвергнутся новому районированию. Что касается третьих, то они должны быть в принципе приняты каждым будущим правительством и положены в основу будущего Российского Государства.

Районирование России по принципу больших единств хозяйственно-географических (областей) является крупнейшей задачей русской политики, — тот, кто успешно решит эту задачу, будет владеть судьбами будущей России. Великое тело России должно быть построено из частей, обнаруживающих сознательный интерес к естественному взаимному сцеплению и ощущающих, что без такого сцепления смерть грозит и целому и каждому отдельному члену. Россия должна стать, в смысле ее административно политического деления, истинным хозяйственно-географическим организмом, — и тогда будущее ее будет предохранено от возможности того распадения, которое пережила Империя после революции.

Однако, в проблемах строительства советского союза есть еще одна заслуживающая серьезного внимания сторона. Советские политики называют свою государственную систему наиболее эластичной формой федерации. В утверждении этом есть известная доля истины, поскольку действительно советский союз дает весьма различные типы отношений между частями и целым. Мы уже указывали выше, что Советский Союз состоит из союзных республик, из их отдельных об'единений, из автономных республик и областей, наконец, территориально-административных единиц (областей, губерний и т. д.). Всем известно, что фактически в советском федерализме есть много фикций, однако, с точки зрения политических принципов, утверждение разнообразных типов федерирования, имеет свой особый положительный смысл, особенно, с точки зрения внешней политики, И именно оно дает возможность различным государствам на очень свободных и разнообразных началах вступить в советский Союз, в качестве самостоятельного члена, при условии принятия советской государственной системы. Советское государство означенным своим принципом обнаруживает ту силу, которой лишены весьма замкнутые в себя западные государства: именно силу притяжения. И в то же время обнаруживает другую силу: силу влияния. Было бы большим заблуждением думать, что будущая Россия должна утратить обе эти силы. Мощь ее, конечно, обнаружится тогда, когда она будет к себе привлекать другие народы, причем, давать этим народам свой русский политический идеал и свою русскую политическую систему. Россия должна сохранить роль центра около которого собирается Союз Народов, поставивший своей целью борьбу с насилием и эксплоатацией, защиты угнетенных и слабых.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гл. 1. — Современная постановка русского политического вопроса. — Смысл революции (стр. 3). Революция, как социальная болезнь (стр. 3-4). Опыты ее лечения (стр. 4). Демократы, сторонники абсолютной монархии и сторонники «основных законов 1906» года (стр. 4-9). Постановка современной русской политической проблемы (стр. 9). Современная Россия, как отправной пункт, и отношение к сменовеховству (стр. 10). Политический релятивизм (стр. 10-11). Утверждение самобытности русской политической мысли (стр. 11).

Гл. 2. — О старой и новой «русской правде». — Особенности политической мысли в Московской Руси (стр. 12). Понимание политической «правды» так называемой «прогрессивной» интеллигенцией петербургского периода (стр. 12-13). Марксизм, как завершение социально-политических настроений новейшей русской интеллигенции (стр. 13). Взгляд на духовную жизнь, как на производную экономических отношений (стр. 13). Отвержение личной нравственности (стр. 14). Переоценка значения социальных преобразований (стр. 14). Марксизм и государство (стр. 15-16). Теоретическая сила критиков марксизма и их практическая слабость (стр. 17). Практические уроки, извлекаемые от применения марксизма на практике (стр. 17). О новой «русской правде» (стр. 17-19).

Гл. 3. — О государстве, как союзе мира. — Классовая теория государства у марксистов (стр. 19). Классовая теория у буржуазных ученых (стр. 20). Нейтральные функции государства (стр. 21). Признание нейтральных функций различными сторонниками классовой теории государства (стр. 21-23).

Гл. 4. — О государстве, как союзе правды. — Справедливость формальная и материальная (стр. 24). Невозможность оправдания капитализма с точки зрения материальной справедливости (стр. 25). Идейная сила коммунистического учения и невозможность преодолеть

его без'идейными средствами (стр. 25-26). Ложные стороны коммунизма (стр. 26). Обоснование коммунистического государства в советской «Декларации прав трудящегося и угнетенного народа» (стр. 27). Учение о «положительной свободе» (стр. 27). Советская декларация прав и декларации буржуазные (стр. 28-30). Учение о «русской правде», как синтезе двух антитез: капитализма и коммунизма (стр. 31). Основные права индивидуализма и их отношение к государству, как целому (стр. 32). Утверждение основных прав в «праведном государстве» (стр. 32). Обеспечение свободы (стр. 32-33). Отношение к свободе хозяйственной (стр. 34). Направление, в котором должно двигаться правовое преобразование советского государства (стр. 35-36).

Гл. 5. — О строении советского государства. — Два политических принципа, лежащие в основе советского государственного строя: идея пролетарской демократии и идея пролетарской диктатуры (стр. 36). Строение советского государства и его основные части (стр. 37). Высшие об'единения этих частей (стр. 38). Органы советского государства (стр. 39). Схематизм советского строя (стр. 40). Органы Союза ССР (стр. 40-42). Демократическое лицо советского государства имеет черты демократии опосредственной (стр. 42). Отношение ее к началу автономии и децентрализации (стр. 43). Вопрос о распределении компетенции (стр. 43-44). Начало замещения или заступления (стр. 45). Административная децентрализация, как особенность советского государства (стр. 46) Проблема власти в советском государстве, рассматриваемом с точки зрения его демократической структуры (стр. 47). Положение «исполнительной» власти в советском государстве (стр. 47). Советское государство с точки зрения принципа диктатуры (стр. 48).—

Гл. 6. — О некоторых преимуществах и недостатках советской системы. — Возможность изучения советской системы, как некоторой политической формы (стр. 48-49). Особенности политической формы советского государства: I. Начало сильной власти (стр. 50, а) Вследствие особого способа организации правительственной власти (стр. 50-51). Достоинства и недостатки этого способа (стр. 52). б) Вследствие наличности правящего отбора (стр. 53). Роль правящей группы в государстве (стр. 54). Отбор и господствующий класс (стр. 54). Отбор и партия (стр. 54). Отбор и коммунистическая диктатура (стр. 55-56). II. Советская система, как первый практический опыт демократической организации русского народа (стр. 56). Идеологические предвосхищения советской системы (план М. М. Сперанского) (стр. 57-58). Характерные черты советской демотии (стр. 59). а) Преодоление дезорганизованности и атомизма европейских демократий (стр. 59). Партийный режим, как корректив (стр. 60). Отношение к принципу многостепенных выборов (стр. 61). Связь высших государственных орга-

нов с выборными органами местного управления (стр. 61-62). в) Начало опосредствования (стр. 62). Идея непосредственной демократии и трудности ее осуществления (стр. 62). Положение выборного депутата в западной демократии и в советской системе (стр. 63). Демократия и аристократия (стр. 63-64). Искажение опосредствованной демократии при коммунистической диктатуре (стр. 64). Основной вопрос советской политики (стр. 65-66).

Гл. 7. — О монархии и республике. — Постановка проблемы (стр. 66). Необходимость различения при разрешении этого вопроса между монархией абсолютной и монархией конституционной (стр. 67). Абсолютная монархия и республика (стр. 67-68). Отношение республики к к конституционной монархии (стр. 68). Коллегиальное и личное начала в советском государстве (стр. 69-70). Учение о «смешанной» форме политического устройства, как относительно наилучшей (стр. 71). Возможность сочетания личного начала с советским демократизмом (стр. 72). —

Гл. 8. — О союзе народов. — Национальная политика большевиков (стр. 72). Ее «правда» (стр. 72-73). Ее отрицательные стороны (стр. 73-74). Начало национальной и областной автономии в будущей России (стр. 74-75).

КАТАЛОГ КНИГ ЕВРАЗИЙСКОГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

Долл.

ИСХОД К ВОСТОКУ. Предчувствия и Свершения. Утверждение Евразийцев. (Распродано).

НА ПУТЯХ. *Утверждение Евразийцев.* Книга вторая. Содержание: П. Савицкий — «Два Мира»; А. Карташев — «Реформа реформация и исполнение Церкви»; П. Сувчинский — «Вечный устой», «Знамение былого» (о Лескове); «Типы творчества» (памяти Блока); Кн. Н. С. Трубецкой — «Религии Индии и Христианство»; Г. В. Флоровский — «О патриотизме праведном и греховном»; Кн. Н. С. Трубецкой — «Русская Проблема»; П. М. Бицили — «Восток и Запад в истории старого света»; П. Савицкий — «Степь и Оседлость». Изд. 1922 года. 356 стр. 0.60

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК. Книга третья. Содержание: П. Савицкий — «Подданство идеи»; Кн. Н. С. Трубецкой — «У дверей» (Реакция? Революция?); П. Сувчинский — «К преодолению революции»; Н. Арсеньев — «Живые Камни»; М. Шахматов — «Подвиг власти»; П. Сувчинский — «Инобытие русской религиозности»; Кн. Н. Трубецкой — «Вавилонская башня и смешение языков»; П. Савицкий — «Производительные силы России»; Я. Садовский — «Оппонентам евразийства». Изд. 1923 г. 174 стр. 0.70

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК. Книга четвертая. Содержание: П. Савицкий — «Евразийство»; П. Сувчинский — «Идеи и методы»; Кн. Н. Трубецкой — «Мы и другие»; Л. Карсавин — «Уроки отреченной веры»; В. Ильин — «Столб злобы богопротивной»; В. Сеземан — «Сократ и проблема самопознания»; М. Шахматов — «Государство правды»; В. Ильин — «К взаимоотношению права и нравственности»; Г. Вернадский — «Два подвига Св. Александра Невского»; Кн. Д. Святополк-Мирский — «О московской литературе и протопопе Аввакуме»; Кн. Н. Трубецкой — «О туранском элементе в русской культуре»; Я. Садовский — «Из дневника Евразийца»; П. Савицкий — «Хозяин и Хозяйство». Изд. 1925 года. 445 стр. 1.25

Кн. Н. С. Трубецкой. — ЕВРОПА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. Изд. 1920 года. 0.35

РОССИЯ И ЛАТИНСТВО. Сборник статей. Содержание: П. Савицкий — «Россия и Латинство»; П. Сувчинский — «Страсти и опасность»; П. Бицилли — «Католичество и Римская Церковь»; Г. Вернадский — «Соединение Церквей в исторической действительности»; Кн. Н. Трубецкой — «Соблазны Единения»; А. Карташев — «Пути Единения»; Г. Флоровский — «Два Завета»; В. Ильин — «К проблеме литургики в Православии и Католицизме». Изд. 1923 года. 219 стр. 0.50

А. С. ХОМЯКОВ. О ЦЕРКВИ. (С примечаниями и предисловием Л. П. Карсавина). Изд. 1926 года. 89 стр. 0.45

Л. С. ФРАНК. Религия и Наука. Изд. 1925 г. 24 стр. (новая орфография). 0.25

И. Р. — Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. 60 стр. (Нов. орф.). 0.45

Л. П. КАРСАВИН. — О сомнении, науке и вере. Три беседы. Изд. 1925 г. 32 стр. (Нов. орф.). 0.25

С. Л. ФРАНК. — Основы Марксизма. Изд. 1926 года. 50 стр. (Новая орфография). 0.25

КОМПЛЕКТОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМ1И. 78 стр. 0.45

ЕВРАЗИЙСТВО. Опыт систематического изложения. Издание 1926 года. 74 стр. (нов. орф.). 0.30

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА. Выпуск VI. Изд. 1926 г. 50 стр. 0.25

П. САВИЦКИЙ. — Россия Особый Географический Мир. Изд. 1927 года. 68 стр. (нов. орф.). 0.30

П. САВИЦКИЙ. — Географические особенности России. Изд. 1927 года. ч. I. 1.50

Impr. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.